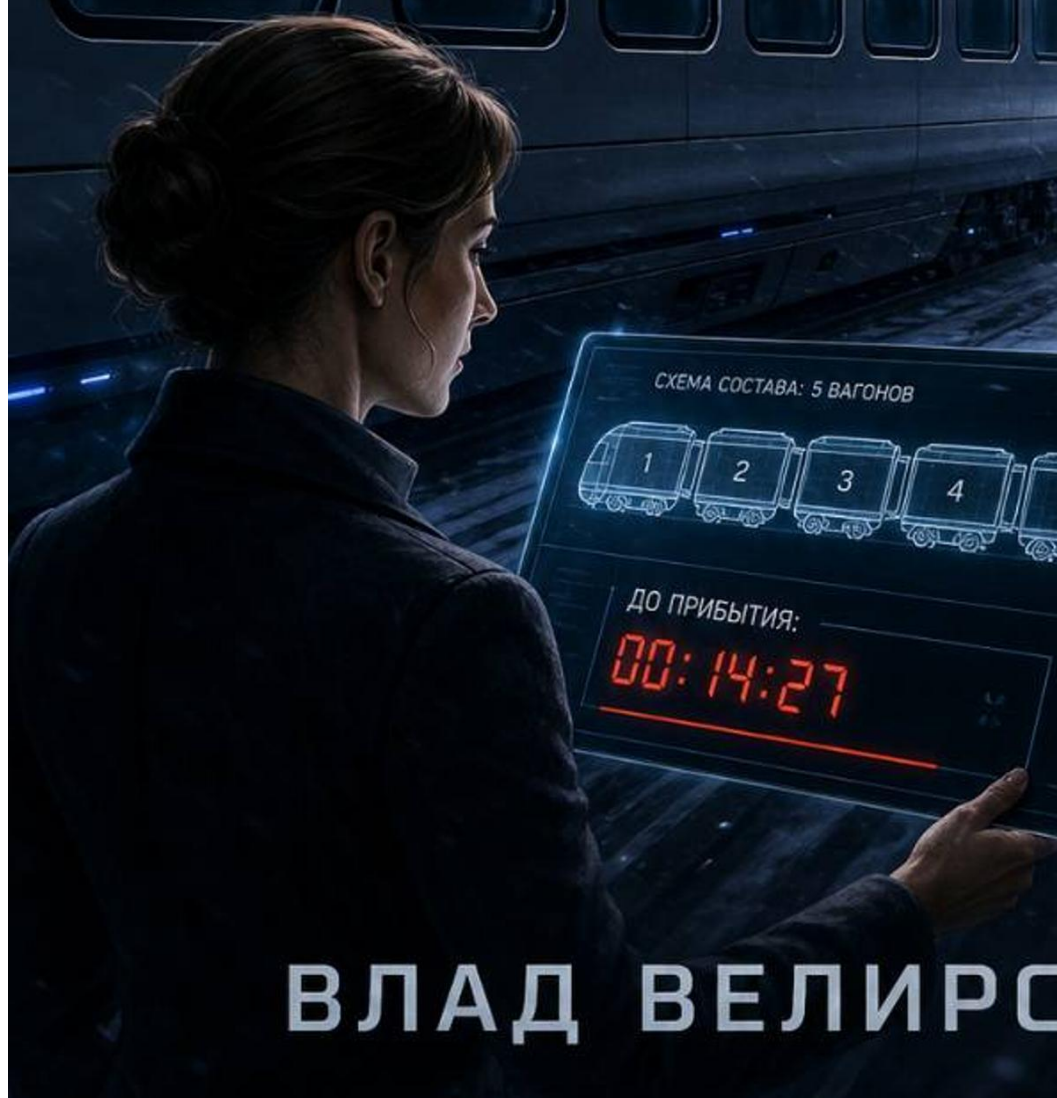

НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС БЕЗ ИМЁН

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Ночной экспресс без имён

«Автор»

2026

Велирский В.

Ночной экспресс без имён / В. Велирский — «Автор», 2026

Семь пассажиров садятся в беспилотный ночной поезд под законными временными биографиями. До Северного Узла их настоящие имена должны оставаться закрытыми. Но хранителя манифеста находят мёртвым в архивном купе, и аварийный протокол запускает обратный отсчёт до полного раскрытия. Аудитор Ирина Ладина должна установить виновного по билетным правам, массе, локальной связи и расходу ресурсов. Каждая улика указывает не на человека, а на действие; каждый пассажир скрывает прошлое, которое может быть опасно раскрыть, но которое ничего не доказывает. Главный подозреваемый требует открыть весь список и предлагает сомнение, которое невозможно исчерпать. «Ночной экспресс без имён» — камерный техндетектив о честных уликах, цене тотального знания и доказательстве, способном назвать виновного, не отдавая системе жизни невиновных.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Семь чужих жизней	6
Глава 2. Поезд без бригады	11
Глава 3. Пустое имя	17
Глава 4. Две половины ключа	24
Глава 5. Чужой билет	30
Глава 6. Сахар на полу	36
Глава 7. Аудит Ирины	41
Глава 8. Пять вагонов	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Влад Велирский

Ночной экспресс без имён

От автора

У имени есть две противоположные способности. Оно позволяет позвать человека — и позволяет найти его тому, от кого он хотел скрыться. Обычно детектив требует снять маску: установить, кто перед нами, восстановить прошлое, вернуть каждому настоящую фамилию. В этой истории маска законна, а полное разоблачение может оказаться не торжеством истины, а ещё одним преступлением.

«Ночной экспресс без имён» построен как честная загадка в замкнутом пространстве. Поезд продолжает движение, связь исчезает на шесть часов, а пассажиры имеют право не рассказывать друг другу, кем были прежде. Поэтому улики здесь отвечают прежде всего на вопрос «что сделал человек», а не «как его зовут». Схема вагонов, билетные права, временные окна и физические следы появляются до разгадки; важный вывод не должен держаться на одном удобном совпадении.

Технологии романа вымышлены и служат сюжету, а не практической инструкцией. Главное в книге — граница между необходимым доказательством и ненасытным любопытством системы, которая хочет знать о человеке всё. Иногда справедливость начинается не с полного раскрытия, а с точного отказа раскрыть лишнее.

Глава 1. Семь чужих жизней

Ирина Ладина увидела своё имя в последний раз над турникетом.

ЛАДИНА ИРИНА СЕРГЕЕВНА. ДОПУСК: АУДИТ.

Строка погасла, едва она приложила служебный браслет. На матовом стекле возникла другая:

ИРИНА ЛАДИНА. ВРЕМЕННАЯ РОЛЬ: НАБЛЮДАТЕЛЬ. НЕ ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСОВ О ПРОШЛОМ ПОПУТЧИКОВ.

Фамилия оставалась её собственной, но отчество исчезло. Система убрала то, чего не требовал маршрут. Ирина знала этот принцип, сама проверяла его в десятках отчётов, однако всякий раз испытывала короткое раздражение, будто у неё без спроса вынули одну страницу из паспорта.

За стеклом посадочного шлюза ждал «Меридиан-12». Ни проводников у дверей, ни тёплых прямоугольников купе — только чёрный корпус с узкой полосой окон и снег, летевший почти горизонтально. На крыше вокзала ветер гудел в растяжках. Поезд не отвечал ему ничем. Машина уже рассчитала путь до Северного Узла и теперь терпеливо собирала людей, которым на одну ночь полагалось не быть собой.

— Подтвердите правило обращения, — произнёс терминал.

Это был обычный записанный голос, один из восьми, утверждённых для транспортных узлов. Ирина терпеть не могла, когда пассажиры называли такие системы разумными. Голос не слушал; он ждал нужной последовательности касаний.

Она пролистнула соглашение.

Не спрашивать настоящее имя. Не требовать подтверждения временной биографии сверх маршрутной необходимости. Не фотографировать лицо без согласия. При угрозе жизни сообщать наблюдаемое действие, а не предположение о личности.

Последняя строка появилась после её собственного аудита три года назад.

Ирина задержала палец над кнопкой.

— Подтверждаю.

Стеклянная створка ушла в пол.

В шлюзе пахло мокрой шерстью и холодным металлом. Напротив, под схемой состава, стоял высокий мужчина в сером пальто. Он держал ладонь в кармане, словно проверял, на месте ли билетный ключ. Система показала Ирине только разрешённую карточку:

ГЛЕБ РУДИН. КООРДИНАТОР ПОСТАВОК. ВАГОН 2.

— Наблюдатель, — прочитал мужчина над её плечом. — Это такая профессия или способ не отвечать на вопросы?

— Сегодня это запрет их задавать.

— Удобная профессия.

Он улыбнулся так, будто уступил ей первый ход. Ирина отметила не улыбку, а сухие плечи пальто. Мужчина вошёл с внутреннего перехода и не успел попасть под снег. Значит, прибыл через служебную галерею или ждал здесь раньше. Обе возможности были законны. Обе не относились к ней.

На схеме мигнула точка: вагон два принял пассажира Рудина.

— Вы не идёте? — спросил он.

— После вас.

Мужчина прошёл в состав. Дверь сомкнулась за ним бесшумно.

Следующей к шлюзу подбежала женщина лет сорока в короткой белой куртке. Снег таял у неё на ресницах. Она прижимала к груди прозрачный контейнер с дорожным набором: зубная

щётка, закрытая бутылка воды, две упаковки пластыря. Ничего острого, ничего жидкого сверх нормы.

НОРА ЛАНСКАЯ. ПЕРЕВОДЧИЦА. ВАГОН 3. МЕДИЦИНСКОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДОСТУПНО ЭКСТРЕННОЙ СЛУЖБЕ.

Карточка не называла ограничения. Так и должно было быть.

— Он опять спрашивает? — женщина кивнула на терминал.

— Только подтверждение правил.

— Я читала.

— Терминал этого не знает.

Нора бросила на Ирину внимательный взгляд, словно слово «знает» было диагнозом.

— Терминал ничего не знает, — сказала она и приложила ключ.

Ирине понравилась поправка.

Нора быстро подтвердила соглашение, но у последней строки замедлилась. «Сообщайте действие, а не предположение о личности». Прочитала дважды. Потом шагнула в поезд, не попрощавшись.

К началу посадки платформа была почти пуста. Обычные рейсы отправлялись с нижнего уровня, где пассажиры могли покупать кофе, ругаться из-за багажа и называть детей по имени. Верхний путь отвели программе безопасного транзита. Здесь не было кассиров, рекламы и часов. Время показывали только шлюзы — каждому своё, чтобы толпа не собиралась у дверей.

За одиннадцать минут Ирина увидела ещё пятерых.

Илья Марат, фотограф, вагон четыре, нёс плоский футляр без камеры. Он шуточно поклонился объективу проверки и спросил, считается ли отражение в окне фотографией без согласия.

— Если окно сохранило файл, — ответила Ирина.

— А если только я?

— Тогда это память.

— Не самая надёжная техника.

Он постучал пальцем по виску и ушёл, продолжая улыбаться, но футляр держал обеими руками.

Елена Вольская, няня, вагон один, приехала без багажа. Женщина с гладко зачёсанными седыми волосами прочла все правила, включая ссылки мелким шрифтом, и потребовала убрать с её карточки обращение «госпожа».

— Его там нет, — сказала Ирина.

— Тогда система впервые проявила воспитанность.

Семён Ратов, преподаватель, вагон четыре, трижды проверил, заблокирована ли передача его посадочного времени наружу. Получив один и тот же ответ, потребовал бумажную квитанцию. Терминал выдал тонкую полоску с корнем проверки, не содержащим ни имени, ни минуты входа. Семён сложил её вчетверо и спрятал под ремешок часов.

Вера Тихая, флорист, вагон три, привезла пустой чемодан. Это обнаружилось, когда лента досмотра остановила его из-за слишком малой массы. Вера покраснела и сказала, что собирается заполнить чемодан на месте.

— В Северном Узле цветы дешевле? — спросил Илья Марат, успевший вернуться к автомату с водой.

Вера посмотрела не на него, а на Ирину.

— Он имеет право это спрашивать?

— Имеет, — сказала Ирина. — Вы имеете право не отвечать.

— Тогда не отвечу.

Илья поднял ладони. Улыбка у него стала настоящей лишь на мгновение — когда Вера отвернулась.

Последним пассажиром был Артём Белов, оценщик рукописей, вагон один. Невысокий, грузный, в старой зелёной парке. Его ключ терминал читал дольше остальных. На экране одна за другой возникли три точки, каждая означала отдельную проверку права, затем погасли и уступили место зелёному кольцу.

— Задержка? — спросила Ирина.

— Разделённое подтверждение, — ответил терминал.

— Я не у вас спрашивала.

Артём Белов поднял глаза. Они были светлые и усталые.

— А у меня не стоит спрашивать, — сказал он. — Вы только что согласились.

Он говорил без вызова. Ирина всё же почувствовала, как внутри затягивается знакомый узел. Правила защищали человека от чужого любопытства, но отказ от простого ответа всегда казался ей маленькой демонстрацией власти.

— Я спросила о ключе, не о прошлом.

— В этой программе разница меньше, чем обещают брошюры.

Терминал открыл проход.

Белов не двинулся.

— Аудитор Ладина, — тихо произнёс он.

Ирина посмотрела на свою карточку. На ней не было слова «аудитор».

— Мы знакомы?

— Это вопрос о прошлом.

Теперь в его голосе появилась насмешка, но слабая, будто он заранее сожалел о ней.

— Тогда задайте вопрос о настоящем, — сказала Ирина.

— Вы ещё верите, что систему можно проверить, не увидев людей, которых она прячет?

Ветер бросил горсть снега в наружную дверь шлюза. За матовым стеклом белое облако распалось на полосы.

— Проверяют правила и последствия, — ответила Ирина. — Не биографии.

— Правильный ответ.

— А неправильный?

— Узнаете в поезде.

Он прошёл в вагон один.

Ирина осталась перед закрытой дверью. Семь временных карточек горели на схеме состава: две в первом вагоне, один пассажир во втором, двое в третьем, двое в четвёртом. Пятый, технический, был закрыт для пассажиров. Отдельной синей точкой обозначался сервисный техник Роман Глин. Он ехал под служебным именем: для ремонта псевдоним не требовался, потому что право на шкафы и узлы должно было иметь проверяемого владельца.

Ирина пересчитала точки.

В первом вагоне: Елена Вольская и Артём Белов.

Во втором: Глеб Рудин.

В третьем: Нора Ланская и Вера Тихая.

В четвёртом: Илья Марат и Семён Ратов.

Семь пассажиров. Техник. И она сама — служебное место во втором вагоне.

На экране возник запрос:

ПОСАДКА ЗАВЕРШЕНА. ЗАПЕРЕТЬ ВНЕШНИЙ КОНТУР?

Ирина коснулась «Проверить». Система показала не имена, а права: восемь пассажирских ключей внутри, один служебный, ноль предметов в досмотровой ленте, ноль людей в шлюзах. Всё сходилось.

Она нажала «Запереть».

Наружные створки закрылись. По полу прошла едва заметная дрожь — состав снял стояночные опоры. За стеклом поплыли фонари Берега, сперва медленно, затем быстрее. Через

девять минут поезд должен был войти в промышленный коридор, через двадцать семь — в зону без внешней связи.

Внутренняя дверь открылась в вагон два.

Здесь не было купе. По обе стороны прохода располагались небольшие кабины с раздвижными перегородками, а между ними — общая ниша с кипятком, технической водой и запечатанными стаканами. Над дверями горели не фамилии, а номера прав. Временная биография появлялась только при взаимном согласии на разговор.

Глеб Рудин стоял у окна. Серое пальто висело на общем крючке возле перехода.

— Всех пересчитали? — спросил он.

— Права сошлись.

— Я спросил про людей.

— Люди тоже.

— Тогда мы уже доверяем системе больше, чем друг другу.

— Система всего лишь считает ответы ключей.

— Именно. Ключ не нервничает, не лжёт и не забывает.

— Зато его можно передать.

Рудин снял пальто с крючка. Сделал это спокойно, но слишком быстро после её слов.

— Можно?

— На короткое время. Передача не меняет владельца права.

— Вы явно приехали не любоваться ночью.

— А вы?

— Координировать поставки.

— Это написано в вашей карточке.

— Значит, сегодня правда экономит нам время.

Он ушёл в свою кабину. Перегородка стала непрозрачной.

Ирина положила сумку на служебное место и открыла планшет аудита. До начала слепой зоны ей следовало получить контрольные ответы всех ключей: не личности, только присутствие в назначенных вагонах. Рядовая процедура. Она проводилась автоматически, но выборочная ручная сверка позволяла заметить неисправность перед тоннелями связи.

На экране появилась схема из пяти прямоугольников.

Ирина послала первый запрос вагону один.

Ключ Елены Вольской ответил из кресла 1-03. Ключ Артёма Белова — из коридора возле архивной кабины. Между ответами прошло две десятых секунды.

Вагон два: её браслет; Глеб Рудин, кабина 2-06.

Вагон три: Нора Ланская, 3-02; Вера Тихая, багажная ниша.

Вагон четыре: Илья Марат и Семён Ратов, оба в общей зоне, на расстоянии четырёх метров друг от друга.

Все семь.

Ирина закрыла протокол, но планшет коротко завибрировал. Пришёл запоздалый пакет, помеченный тем же временем, что и сверка.

КЛЮЧ 7А-41. ОТВЕТ ПОЛУЧЕН. ВАГОН 4. ПЕРЕХОДНАЯ ЗОНА.

Она нахмурилась. Ключ 7А-41 принадлежал Вере Тихой. Секунду назад он ответил из багажной ниши вагона три.

Ирина развернула журнал. Может быть, задержка ретранслятора. В переходах локальный сигнал иногда отражался от гибкой сцепки, поэтому координата нуждалась в подтверждении массой или ближним маяком.

Она повторила запрос только для 7А-41.

Ответ пришёл сразу.

ВАГОН 3. БАГАЖНАЯ НИША.

И почти одновременно второй:

ВАГОН 4. ПЕРЕХОДНАЯ ЗОНА.

Два сигнала имели разные ближние подписи. Не отражение. Не повтор старого пакета.

Один билетный ключ отвечал из двух вагонов.

Состав набирал скорость. Последние фонари Берега дрогнули в окне и исчезли за бетонной стеной промышленного коридора.

До потери внешней связи оставалось двадцать пять минут.

Ирина заблокировала автоматическое закрытие журнала и поднялась. Она ещё не знала, кто держит второй ответ. Но уже знала, что кто-то начал путь не со своей биографией — со своего чужого ключа.

Глава 2. Поезд без бригады

Второй ответ исчез, когда Ирина дошла до перехода.

Не погас и не переместился — перестал существовать. На схеме осталась одна зелёная точка ключа 7А-41 в вагоне три. Ирина провела планшетом вдоль стены, проверяя ближние маяки. Обшивка вернула ровный ряд служебных меток: дверь, огнетушитель, аптечный шкаф, гибкая сцепка. Чужого ключа среди них не было.

Поезд входил в первый поворот промышленного коридора. Пол мягко накренился, компенсаторы под ногами приняли боковое усилие. За круглым окном перехода мелькали опоры грузовой эстакады — чёрные, одинаковые, разделённые косыми полосами снега.

Ирина коснулась журнала и сохранила оба ответа в изолированной области аудита. Рядом с каждой строкой появился корень проверки. Две независимые ближние подписи означали два передатчика или один передатчик, который физически успел оказаться в разных местах. Второе было невозможно: между ответами прошло меньше двух десятых секунды, между вагонами — двадцать три метра и закрытая дверь.

Она вызвала Веру Тихую по временному имени.

— Пассажир 7А-41, подтвердите владение ключом.

Система не стала искать человека. Она лишь передала запись в кабину, назначенную праву.

Ответа не было.

Ирина повторила запрос. Через несколько секунд на экране появилось сообщение:

ВЛАДЕНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО ЛОКАЛЬНО. РАСКРЫТИЕ ПОЛОЖЕНИЯ НЕ РАЗРЕШЕНО.

Вера нажала кнопку, но говорить не захотела.

Закон позволял это. Владение ключом не обязывало пассажира показываться аудитору, пока не объявлена угроза. А угроза пока состояла из двух строчек, одну из которых уже нельзя было воспроизвести.

Ирина вызвала служебного техника.

— Роман Глин. Нужна ручная проверка переходного маяка между третьим и четвёртым.

— Причина?

Голос был низкий, с глухим фоном вентиляции.

— Раздвоение билетного ответа.

Пауза длилась ровно столько, сколько человеку нужно, чтобы перестать считать вызов рутинным.

— Не трогайте повторитель до моего прихода.

— Я и не собиралась.

— Все так говорят, пока не видят удобную крышку.

Связь оборвалась.

На стене перехода была как раз удобная крышка — светлая, с двумя поворотными замками. Ирина убрала от неё руку, хотя не помнила, чтобы собиралась касаться.

Роман пришёл со стороны пятого вагона через три минуты. Невысокий, широкоплечий, в тёмно-синем служебном жилете. На груди — имя без временной роли. Он поставил на пол узкий чемодан и сначала осмотрел пломбы, потом Ирину.

— Покажите журнал.

Она передала ему копию двух строк.

— Координаты разные, — сказал Роман.

— Это я вижу.

— Тогда зачем я вам?

— Чтобы вы нашли причину, которую я не вижу.

Техник присел у крышки, но не открыл её. Поднёс к пломбе считыватель. На экране прибора появился непрерывный зелёный график.

— Корпус не вскрывали после Берега. Повторитель один. Резервный лежит в пятом вагоне, питание снято.

— Копия ключа?

— Я не выдаю версии до проверки.

— Полезная привычка.

— Для аудитора — редкая.

Роман сказал это без улыбки и наконец повернул замки. За крышкой открылась неглубокая ниша: кабели, два оптических разъёма, чёрная коробка повторителя. Никаких мигающих ламп. Ирина любила такую технику: она не изображала мысли, а просто выполняла функцию.

Техник сверил серийный номер с реестром.

— Штатный. Время не сбито. Если ключ ответил дважды с разными подписями, в контуре были два передатчика.

— Можно клонировать билетный ключ?

— Всё можно испортить. Вопрос — сколько прав для этого нужно.

— Сколько?

— Больше, чем у пассажира. Меньше, чем у производителя.

— У техника?

Роман поднял на неё глаза.

— Вот теперь вопрос о личности, а не о действии.

— У вашей служебной роли есть право выпускать второй передатчик?

— Нет. Есть право заменить повреждённый после физического изъятия старого. Замена оставляет квитанцию во внешнем контуре.

Ирина проверила журнал. Квитанций замены для 7А-41 не было.

— Значит, не вы.

— Значит, не моё право. Людей журнал не оправдывает.

Он вернул крышку на место и поставил новую локальную пломбу поверх старой. Два слоя защиты не усиливали металл, зато фиксировали момент проверки.

— Покажите состав, — попросила Ирина.

Роман развернул на стене техническую схему.

Пять вагонов вытянулись в линию. Первый — тихий: пассажирские кабины и архивная кабина в хвостовой части. Второй — служебно-пассажирский: место аудитора, общий гардероб, узел локальной связи. Третий — бытовой: багаж, медицинская ниша, запасы питьевой воды. Четвёртый — обзорный: общая зона и рабочие столы. Пятый — технический: силовое оборудование, резервные узлы, ремонтное место Романа. Между вагонами располагались гибкие сцепки с двумя дверями каждая. Двери считали проходы, но не записывали лица.

— Где кабина управления? — спросила Ирина.

— На станции Берег.

— А если связь пропадёт?

— Она и пропадёт. Через пятнадцать минут.

— Я спрашиваю, кто ведёт поезд.

— Маршрутный автомат. Не путайте с диспетчером и не называйте его интеллектом. Он держит скорость, интервалы, тормозной контур и выбирает из заранее разрешённых режимов. Новых решений не придумывает.

— А остановиться может?

— При препятствии, повреждении пути, пожаре или потере тормозного резерва. По просьбе пассажира — нет. В коридоре нет безопасной платформы.

На схеме первый вагон казался хвостом, пятый — головой состава, но направление могло меняться на узловых развязках. Сейчас поезд шёл пятым вагоном вперёд. Архивная кабина находилась дальше всего от технического отсека.

Ирина увеличила переход между третьим и четвёртым.

— Здесь ответил второй ключ.

— Здесь ответил передатчик, — поправил Роман. — Ключом его назовём, когда найдём право внутри.

— Педант.

— Вы вызвали техника.

В общей зоне четвёртого вагона открылась дверь. Илья Марат высунул голову.

— Если вы закончили шептаться о нашей безопасности, можно пройти?

— Можно, — ответила Ирина. — Вы находились здесь во время контрольного запроса?

— Здесь — понятие растяжимое.

— В вагоне четыре.

— Да. С Семёном. Он подтвердит, если это не нарушит его конституционные права.

Из-за перегородки донёсся голос Семёна Ратова:

— Нарушит.

— Видите? — Илья развёл руками. — Но всё равно подтвердит.

— Вы подходили к переходу?

Улыбка фотографа стала осторожнее.

— Я искал хороший ракурс.

— Без камеры.

Он коснулся плоского футляра, который по-прежнему держал при себе.

— Кто сказал, что там нет камеры?

— Досмотр.

— Досмотр сказал, что нет запрещённой камеры. Это разные сведения.

— Что вы снимали?

— Ничего. Стекло слишком грязное.

— Вы видели предмет возле двери?

— Какой предмет?

— Который мог ответить на билетный запрос.

Илья посмотрел на Романа, затем на раскрытую схему.

— А разве билет не должен быть у человека?

— Должен, — сказала Ирина.

— Тогда предмет был человеком.

— Вы кого-то видели?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро, почти радостно. Будто он наконец нашёл вопрос, на который мог солгать без последствий.

Ирина не стала давить. Пока у неё не было второго основания даже для осмотра футляра.

— Если вспомните наблюдаемое действие, вызовите меня.

— А если вспомню лицо?

— Опишите, что оно делало.

Илья тихо свистнул.

— Здесь даже память проходит редактуру.

Он ушёл в общую зону. Перегородка закрылась.

Роман свернул схему.

— Вы объявите угрозу?

— Пока нет.

— Тогда второй передатчик смогут переместить.

— Если объявлю, пассажиры запрутся и начнут уничтожать всё, что связывает их с прошлым. У каждого здесь есть причина бояться досмотра, иначе они ехали бы обычным рейсом.

— Не у каждого.

— Вы — служебный персонал.

— Персонала в поезде нет. Есть один техник с ограниченными правами.

Он подхватил чемодан.

— И один аудитор, который решает, достаточно ли двух сигналов, чтобы напугать семь человек.

Роман ушёл к пятому вагону.

Ирина осталась у схемы. Через стену слышался только ровный шум колёсных модулей. Ни шагов проводника, ни щелчка замков купе, ни далёких голосов бригады. Если пассажир вызывал помощь, отвечал терминал, а за ним — правило. Человек появлялся только тогда, когда правило не справлялось.

Планшет показал двенадцать минут до слепой зоны.

Ирина направилась в вагон три.

Вера Тихая стояла у открытой багажной ниши. Пустой чемодан лежал на полу. Женщина держала билетный ключ между большим и указательным пальцами — маленькую белую пластину без надписей.

— Вот он, — сказала Вера прежде, чем Ирина успела представиться. — Всё время был у меня.

— Почему вы не ответили голосом?

— Потому что имею право.

— Имеете.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Чтобы понять ваш выбор.

— Это уже биография.

Нора Ланская сидела у медицинской ниши и заклеивала пластырем натёртый палец. Не подняв головы, она сказала:

— Вы обе спорите о границе, которой нет на полу. Покажите ей ключ, Вера.

— Я показываю.

— Не ей. Маяку.

Вера поднесла пластину к настенной метке. Экран Ирины подтвердил: 7А-41, вагон три, подлинное маршрутное право.

— Теперь вы верите? — спросила Вера.

— Я верю, что этот передатчик подлинный.

— А я?

— Я не проверяю, настоящая ли вы Вера Тихая.

Женщина сжала пластину в кулаке.

— Все говорят это, пока им не понадобится моё настоящее имя.

Нора наконец посмотрела на Ирину. В её взгляде не было любопытства, только оценка, как при осмотре раны.

— Был второй ответ? — спросила она.

Ирина не ответила сразу.

— Вы слышали объявление?

— Нет. Но аудитор не приходит лично проверять исправный ключ.

— Подтверждены две ближние подписи.

Вера побледнела.

— Кто-то скопировал мой билет?

— Пока подтверждено только два передатчика.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Для человека, которого снимут с поезда в Северном Узле, — одно.

Ирина посмотрела на пустой чемодан. Внутри не было подкладки, только серый пластик и ремни. Спрятать передатчик там сейчас было невозможно. Но до посадки чемодан находился на досмотровой ленте вне поля зрения Веры несколько секунд.

— Вы передавали ключ кому-нибудь на платформе?

— Нет.

— Оставляли рядом с багажом?

— Нет.

— Кто-нибудь помогал вам пройти посадку?

— Нет.

Три одинаковых ответа, произнесённых с разной скоростью. На третьем Вера отвела глаза.

Ирина отметила это, но не стала называть ложью. Пока это было только движение лица.

— Держите ключ при себе. Если он снова ответит из другого вагона, я объявлю локальную угрозу.

— И общете всех?

— Сначала предметы в общих зонах.

— А потом людей, — сказала Вера.

— Если появятся основания.

Нора сорвала защитную плёнку с пластыря.

— Основания всегда появляются, когда поезд уже нельзя остановить.

Свет в вагоне мигнул один раз. Не аварийно — предупреждая. Над дверью появилась синяя полоса.

ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ ЗАВЕРШАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ. ПОДГОТОВЬТЕ ОТЛОЖЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ.

Вера закрыла чемодан.

— Шесть часов без сети, — сказала она. — Кто вообще придумал такой маршрут?

— Маршрут старше программы, — ответила Ирина. — Коридор экранирован промышленными установками и рельефом. Поезд пишет журнал локально и выгружает его на выходе.

— А если что-то случится?

— Аварийный узкополосный канал принимает только технические коды.

— То есть слова «помогите» среди них нет.

Ирина могла бы объяснить, что код угрозы точнее слова, что он содержит координату и категорию опасности. Но Вера спрашивала не о протоколе.

— Есть, — сказала она. — Просто его отправляет система.

Нора усмехнулась.

— Которая ничего не знает.

Синяя полоса над дверью сократилась на один сегмент.

В служебном журнале Ирины появился календарный запрос. Через пять минут хранитель манифеста должен был прийти в архивную кабину первого вагона и подтвердить начало слепого режима. Его временное имя не показывалось; отображалось только право хранителя. Процедура занимала меньше минуты: физическое присутствие, медицинское подтверждение жизнеспособности, разделённая подпись. Без неё поезд не отменял рейс, но повышал уровень наблюдения.

Ирина вернулась во второй вагон. По пути она проверила общие ниши. Ничего, кроме запечатанных стаканов, пледов и серого пальто на крючке у перехода.

Глеб Рудин снова оставил его там.

Ирина задержалась. Пальто было тяжёлым, длинным, с широкой подкладкой. Общий гардероб не принадлежал ни одной кабине, поэтому поверхностная проверка не требовала согласия владельца при подтверждённой аномалии.

Она протянула руку.

Дверь кабины 2-06 открылась.

— Ищите своё? — спросил Глеб.

— Проверяю общее пространство.

— Моё пальто ещё не стало общим.

— Крючок стал.

Он подошёл и снял пальто прежде, чем Ирина коснулась ткани.

— Объявите досмотр, если имеете право.

— Вы знаете процедуру.

— Координаторы поставок обязаны знать, где кончается чужое право доступа.

Он перекинул пальто через руку. Подкладка на мгновение оттянулась у нижнего шва, словно внутри лежал плоский тяжёлый предмет. Такой же эффект могла дать запасная батарея, связка ключей или мокрая ткань.

Одно наблюдение. Недостаточно.

— Во время контрольного запроса пальто висело здесь? — спросила Ирина.

— Не помню.

— Вы сняли его после моего замечания о передаче ключа.

— Вы ведёте журнал моей одежды?

— Теперь да.

Глеб улыбнулся, но глаза остались неподвижными.

— Хорошей поездки, аудитор Ладина.

Он знал её должность. Как и Белов.

До начала слепой зоны оставалось четыре минуты.

Ирина открыла запрос хранителя. Право должно было уже находиться возле архивной кабины первого вагона. Метка оставалась серой.

Она послала напоминание.

ДОСТАВЛЕНО. ПОДТВЕРЖДЕНИЯ НЕТ.

Прошла минута.

За окнами исчезли последние огни ремонтных башен. Снег теперь возникал в лучах поезда из полной темноты и сразу улетал назад.

Ирина вызвала хранителя по закрытому каналу права.

— Начинается обязательная сверка. Подтвердите состояние.

Тишина.

На третьей попытке терминал сообщил:

ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ ОТВЕТИЛ.

Синяя полоса над дверью погасла. Планшет потерял внешний контур. Вместо значка сети возник замкнутый белый круг и отсчёт:

05:59:59

05:59:58

Шесть часов слепой зоны начались.

Ирина посмотрела на серую метку хранителя в первом вагоне. Артём Белов должен был ждать её там. Он сам обещал неправильный ответ в поезде.

Но на сверку не пришёл.

Глава 3. Пустое имя

Серая метка хранителя не двигалась.

Ирина смотрела на неё ещё несколько секунд, хотя ничего нового экран показать не мог. Право Артёма Белова находилось в первом вагоне — не в архивной кабине, а где-то в пределах её ближнего контура. На обязательную сверку оно не ответило. Человек мог снять ключ, потерять сознание, отказаться от процедуры или намеренно заставить систему поднять тревогу. Ни один вариант не разрешал Ирине открыть архив одной подписью.

Она вызвала Романа.

— Первый вагон. Аварийный доступ к архивной кабине.

— Основание?

— Хранитель пропустил сверку и не отвечает по закрытому каналу.

— Это основание вызвать медицинский контур.

— Вызвала.

На планшете всё ещё стояло: НЕТ КОНТАКТА С НОСИМЫМ ДАТЧИКОМ.

— Тогда иду, — сказал Роман.

Ирина двинулась к первому вагону. В переходе пол качнулся под ногами: состав входил в длинный поворот, огибая тёмный карьер. За стеклом промелькнули красные огни вышек, слишком далёкие для связи. Замкнутый белый круг на экране отсчитывал слепую зону: пять часов пятьдесят семь минут.

Дверь архивной кабины находилась в конце узкого коридора, за пассажирскими отсеками. С виду она ничем не отличалась от технического шкафа: матовая створка, чёрная полоса считывателя, круглая механическая заглушка. На полу перед ней лежал стакан с прозрачной крышкой. Стакан стоял ровно, в держателе, встроенном в стену. На дне оставалось немного тёмной жидкости.

Ирина остановилась, не доходя двух шагов.

— Артём Белов, — произнесла она. — Ответьте голосом или коснитесь внутренней панели.

Тишина.

Она повторила вызов через дверь. Индикатор принял сигнал, но изнутри не последовало ни голоса, ни касания.

На полу не было следов борьбы. Ворс покрытия лежал в одном направлении, только у порога темнела короткая дуга, будто створка однажды прижала влажную подошву. Ирина сфотографировала коридор служебным планшетом, не приближаясь.

Роман пришёл с чемоданом и прозрачным пакетом для инструментов. Он шёл быстро, но у самой двери замедлился.

— Кто входил после начала слепой зоны?

— Журнал двери показывает ноль открытий.

— Я спросил не журнал.

— Я пришла первой. Пассажиров в коридоре не видела.

Роман присел у порога, не касаясь его.

— Внешняя пломба цела. Сервисная заглушка закрыта. Взлома не вижу.

— Можно открыть удалённо?

— Нет. Архив отделён от маршрутного автомата. При пожаре створка выпускает наружу, но не впускает внутрь.

— Тогда разделённое открытие.

Роман выпрямился.

— Внешней квитанции не будет до конца коридора.

- Будет локальная.
- Локальную можно оспорить.
- Поэтому нас двое.
- Поэтому её оспорят вместе с нами.

Он говорил о последствиях, не об отказе. Ирина открыла форму аварийного доступа. Система потребовала выбрать угрозу. Она отметила «возможная потеря жизнеспособности хранителя». Подтвердить смерть до входа медицинский контур не мог.

На двери загорелись два пустых полукруга.

— Сначала вы, — сказала Ирина.

Роман приложил служебный ключ к правой половине считывателя. Полукруг стал жёлтым.

— Теперь у вас девяносто секунд. Если не приложите свой, моя доля сгорит.

Ирина коснулась левой половины. Система запросила голосовое обязательство.

— Ирина Ладина, аудитор транспортной безопасности. Принимаю ответственность за вскрытие из-за угрозы жизни и сохранности манифеста.

Роман нахмурился.

- Карточка показывает наблюдателя.
- Аварийный корень знает должность.
- Значит, Белов мог узнать её так же.

Это было важнее, чем казалось. В первой главе осведомлённость Белова выглядела личной. Теперь появилось техническое объяснение, но только для человека с доступом к аварийному корню.

Левый полукруг стал жёлтым. Между ними появилась надпись:

ПРОВЕРКА ВНУТРЕННЕЙ ЗАЩЁЛКИ.

Через секунду цвет сменился на красный.

ЗАЩЁЛКА ЗАКРЫТА ИЗНУТРИ.

— Фиксируйте, — сказала Ирина.

Роман поднял свой терминал.

— Зафиксировано двумя устройствами. Механический датчик независим от журнала двери.

— Обход защёлки возможен?

— Только аварийным сбросом сейчас или вручную изнутри. После сброса штифт сломается. Назад его не вставить.

— Сбрасывайте.

— Подтвердите разрушение защиты.

Ирина подтвердила. Внутри двери глухо щёлкнуло. Из круглой заглушки выдвинулся короткий красный язычок — физическое свидетельство аварийного открытия. Роман потянул створку на себя.

Из кабины вышел сухой тёплый воздух с запахом металла и сладкого напитка.

Артём Белов сидел за узким столом лицом к двери.

Сначала Ирина решила, что он уснул. Спина опиралась на кресло, голова была слегка наклонена, левая рука лежала на столе ладонью вниз. Правая свисала вдоль корпуса. На нём оставался тот же тёмный костюм, в котором он вошёл в поезд. Галстук был ослаблен на один узел.

Перед ним стоял второй стакан — без крышки, почти пустой. Рядом лежала белая пластина билетного ключа.

— Не входите, — сказал Роман.

Ирина уже остановилась на пороге.

Архивная кабина была меньше пассажирской. Стол занимал дальнюю стену, справа находился закрытый сейф манифеста, слева — откидная кушетка. Под потолком горела ровная полоса света. Вентиляционная решётка была открыта, но винты оставались на местах. Другого выхода не было.

— Медицинский контур, дистанционная оценка, — приказала Ирина.

Из потолка выдвинулся небольшой сенсор. Зелёная точка прошла по лицу Белова, задержалась на шее и кисти. На стене возникла надпись:

ДЫХАНИЕ НЕ ОПРЕДЕЛЕНО.

ПЕРИФЕРИЧЕСКИЙ КРОВОТОК НЕ ОПРЕДЕЛЕН.

ТРЕБУЕТСЯ КОНТАКТНАЯ ПРОВЕРКА.

Роман раскрыл пакет и достал тонкие перчатки.

— У меня допуск только на техническую помощь.

— У меня — на первичное действие при угрозе жизни.

Ирина надела перчатки, включила запись и переступила порог. Створку оставила открытой. Сначала коснулась шеи Белова двумя пальцами, затем приложила контактный датчик медицинской ниши к его запястью. Кожа была прохладной, но не ледяной. Кресло чуть повернулось от давления и вернулось в прежнее положение.

Экран датчика долго оставался серым.

— Повторите на шее, — подсказал контур.

Она повторила.

Красная линия пересекла экран.

ПРИЗНАКИ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ОТСУТСТВУЮТ.

РЕАНИМАЦИОННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО НЕ ПОКАЗАНО ПО СОВОКУПНОСТИ ПАРАМЕТРОВ.

Фраза была аккуратнее слова «смерть» и от этого звучала страшнее.

Ирина осмотрела видимые участки кожи. Крови не было. На виске — старая светлая полоска шрама. На пальцах левой руки — мелкие тёмные крупинки, похожие на растворимый кофе или обжаренный сахар. У основания большого пальца виднелась красная точка, но её мог оставить любой медицинский сенсор.

— Время? — спросила она.

— Контур не устанавливает время смерти, — ответил терминал. — Доступна оценка температурной динамики после калибровки помещения.

— Запускайте калибровку. Ничего не меняйте в вентиляции.

Роман остался за порогом.

— Посмотрите под креслом.

Ирина не наклонилась сразу. Сначала сняла общий план, потом медленно опустила планшет. Под креслом лежала крышка от внутреннего стакана. На прозрачном пластике пристали несколько белых гранул. Сахар, соль или очищающий порошок — на вид не определить.

— В пакет не брать, — сказала она. — До схемы осмотра всё остаётся на месте.

— Я и не предлагал.

— Вы смотрите на неё как техник.

— А вы — как человек, который уже назначил её уликой.

Ирина выпрямилась. Роман был прав. Пока крышка была только предметом под креслом. На столе, кроме ключа и стакана, лежал сложенный вчетверо бумажный лист. Бумага в беспилотном поезде казалась чужеродной. На верхней стороне проступали вдавленные линии, но текста не было видно. Ирина не стала разворачивать лист.

— Кабина записывает массу? — спросила она.

— Кресло — да. Пол — только общий баланс вагона. Архив не хранит изображение и звук.

— Выгрузите массу кресла и створки за последние два часа в отдельный неизменяемый журнал.

— Для этого нужен доступ к терминалу внутри.

Роман показал на панель над столом. Чтобы добраться до неё, пришлось бы пройти рядом с телом.

— Наденьте перчатки. Идите по левой стороне. Каждый шаг проговаривайте.

Он выполнил инструкцию без спора. У кушетки остановился, сверил положение обуви Белова, затем протянул кабель к панели. На его экране побежали строки.

— Журнал створки цел. Последнее штатное открытие — до потери связи. Вход по праву хранителя. Затем внутреннее запирание.

— Выходов после этого нет?

— Нет. Аварийное открытие наше, только что.

— Масса кресла?

Роман задержал палец над экраном.

— Есть Белов. Сел через двадцать две секунды после закрытия двери. Потом дважды вставал.

— Когда последний раз?

— За девять минут до начала слепой зоны. Стоял шестьдесят четыре секунды. После этого кресло приняло массу снова и больше не разгружалось.

— Второй человек?

— Кресло измеряет только то, что на нём. Пол архивной кабины отдельно не взвешивается.

— Значит, не доказывает одиночество.

— И не опровергает.

Ирина отметила время. За девять минут до слепой зоны она проверяла ключ Веры в третьем вагоне. Глеб снимал пальто с общего крючка позже. Илья находился в четвёртом. Роман показывал схему. Эти события ещё не были алиби: поезд считал проходы без лиц, а время требовало сверки.

Медицинский контур закончил калибровку.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРВАЛ НЕОБРАТИМОЙ ПОТЕРИ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ: ОТ 18 ДО 41 МИНУТ НАЗАД. ПОГРЕШНОСТЬ ПОВЫШЕНА.

Ирина посмотрела на таймер слепой зоны. Он показывал пять часов пятьдесят одну минуту. Белов умер либо перед отключением внешней связи, либо вскоре после него. Окно включало почти все события последних двух глав.

— Почему система не сообщила раньше? — спросил Роман.

— Носимый датчик не отвечал.

— А кресло видело неподвижную массу.

— Неподвижность не равна смерти. В архиве разрешён сон.

— Прекрасное правило.

— Оно защищает от медицинского наблюдения без согласия.

— Сейчас защищает убийцу.

Ирина повернулась к нему.

— Правило не убивало Белова.

— Но дало время.

— Тогда ищите действие, которое использовало правило. Не обвиняйте саму границу.

Роман отвернулся к терминалу. На секунду Ирина увидела на его лице не раздражение, а страх.

Белая пластина на столе была ключом хранителя. Ирина навела на неё считыватель, не касаясь.

АРТЁМ БЕЛОВ. ПРАВО: ХРАНИТЕЛЬ МАНИФЕСТА. СОСТОЯНИЕ ПРАВА: АКТИВНО.

Временное имя пережило человека.

— Контур должен погасить право после медицинского подтверждения, — сказал Роман.

— Не до принятия смерти двумя ролями. Иначе один медицинский датчик мог бы лишить хранителя доступа.

Она открыла форму. Система уже подставила два основания: контактная проверка и дистанционная оценка. Требовался свидетель иной служебной роли.

— Роман Глин, подтвердите отсутствие признаков жизнеспособности по показаниям контура. Не подтверждайте причину и время.

— Я не врач.

— Именно поэтому формулировка ограничена показанием прибора.

Он прочитал текст дважды и приложил ключ.

Световая полоса в кабине мигнула. На планшете серый знак хранителя стал чёрным.

ПРАВО ХРАНИТЕЛЯ ПРЕКРАЩЕНО.

Под строкой возник новый запрос.

УКАЖИТЕ ПОРЯДОК СОХРАНЕНИЯ МАНИФЕСТА.

Доступных вариантов было два.

Первый: передать долю эскроу резервному хранителю. Резервный хранитель в поезде отсутствовал.

Второй: начать процедуру полного раскрытия при выходе во внешний контур.

Кнопки отмены не было.

— Не выбирайте, — сказал Роман.

— Отсутствие выбора считается вторым вариантом через тридцать секунд.

— Тогда назначьте резервного.

— Его право выпускает внешний регистратор. Связи нет.

— Ваш аварийный корень?

— Может подписать акт, но не создать хранителя.

Отсчёт дошёл до двадцати четырёх.

Ирина попыталась открыть ограниченный акт. Форма была доступна, но требовала доказать три положения: смерть действующего хранителя, риск для защищённых лиц и необходимость удержать манифест закрытым до передачи уполномоченному органу. Первое уже имелось. Второе и третье система принимала только с независимыми основаниями.

Сейчас у Ирины не было ни установленной личности убитого за временной биографией, ни доказательства преступления, ни причины считать раскрытие опаснее штатной передачи.

Восемнадцать секунд.

— Если я выберу раскрытие, оно начнётся сейчас? — спросила она.

— Подготовка начнётся сейчас, — ответил контур. — Передача будет выполнена при первом устойчивом внешнем соединении.

— Можно остановить подготовку?

— Ограниченным доказательным актом до установления соединения.

— Можно передать не полный манифест, а запись о смерти?

— После прекращения права хранителя штатный порядок требует полной сверки защищённых биографий.

Двенадцать секунд.

— Это ваш протокол? — тихо спросил Роман.

Ирина увидела внизу формы номер редакции. Три года назад она поставила под этой редакцией аудиторскую подпись. Тогда они боялись, что убийца хранителя уничтожит связь

между временными и исходными записями и исчезнет среди защищённых пассажиров. Полное раскрытие казалось последней гарантией расследования.

Они предусмотрели смерть хранителя.

Они не предусмотрели, что раскрытие может быть целью убийства.

Семь секунд.

Ирина выбрала второй вариант.

ПОДГОТОВИТЬ ПОЛНОЕ РАСКРЫТИЕ ПРИ ВЫХОДЕ ВО ВНЕШНИЙ КОНТУР.

На экране появился запрос подтверждения. Она приложила ключ.

Белый круг слепой зоны окрасился по краю красным. Теперь рядом шли два отсчёта:

ДО ВНЕШНЕЙ СВЯЗИ: 05:48:36

ДО ПЕРЕДАЧИ МАНИФЕСТА: ПРИ ПЕРВОМ УСТОЙЧИВОМ СОЕДИНЕНИИ

— Вы запустили раскрытие, — сказал Роман.

— Я сохранила возможность его остановить.

— Сколько у нас времени?

— Меньше шести часов. Связь может появиться раньше расчётного выхода.

— И что нужно доказать?

Ирина посмотрела на Белова, на пустой стакан, на белые гранулы под креслом и на сложенный лист, которого пока никто не касался.

— Что умер именно хранитель. Что его смерть не случайна. Что раскрытие подвергнет опасности невиновных. И что мы можем передать достаточное доказательство, не отдавая весь список.

— Вы знаете, кто невиновен?

— Нет.

— Кто убил?

— Нет.

— Настоящее имя Белова?

— Нет.

Роман оглянулся на открытую дверь с торчащим красным язычком сломанной защиты.

— Тогда у вас нет ничего.

— Есть запертая изнутри кабина, два стакана, сорок одна минута возможного времени смерти и человек, которому не требовалось быть здесь телом, чтобы открыть дверь своим правом.

— Дверь показывает только право хранителя.

— Поэтому сначала мы докажем второго человека.

В коридоре за их спинами раздались шаги.

Ирина не обернулась сразу. Она включила блокировку прохода и только потом вышла на порог.

У поворота стояли Нора Ланская и Глеб Рудин. Нора смотрела не на тело, а на контактный датчик в руке Ирины. Глеб — на красный ободок таймера.

— Кто умер? — спросила Нора.

— Временная биография Артёма Белова, — ответила Ирина.

— Человек умер или биография?

— Человек. Его исходное имя мне неизвестно.

Глеб перевёл взгляд на белую пластину на столе.

— Значит, теперь система узнает имена всех нас.

Он не спрашивал. Он знал процедуру.

— Если не будет ограниченного акта, — сказала Ирина.

— А вы успеете его составить?

Красный край круга медленно полз по экрану.

— Для начала, — сказала Ирина, — никто больше не возвращается в свою кабину.

Глава 4. Две половины ключа

Общая зона четвёртого вагона была рассчитана на двенадцать человек, но восьмерым в ней стало тесно.

Ирина посадила пассажиров так, чтобы видеть обе двери. Роман остался у технического стола. Перед ним лежал терминал с копией журналов архивной кабины, не подключённый к общей сети. Глеб снял серое пальто и повесил на спинку своего кресла. Теперь тяжёлая подкладка находилась у него между коленями и стеной.

До внешней связи оставалось пять часов сорок три минуты.

— Артём Белов умер, — сказала Ирина. — Причина смерти не установлена. Архивная кабина опечатана локальной пломбой. Любая попытка войти или вмешаться в её контуры будет зафиксирована как уничтожение возможных доказательств.

Елена Вольская сжала руки на коленях.

— Вы сказали, никто не возвращается в кабины. На сколько?

— До первичного учёта вещей и перемещений.

— Вы собираетесь обыскивать нас?

— Нет. Сначала я зафиксирую общие пространства и предметы, которые уже находились вне кабин. Для личного досмотра нужны отдельные основания.

— У вас мёртвый человек, — сказал Семён Ратов. — Разве это не основание?

— Для расследования — да. Для того, чтобы считать виновным каждого, кто скрывает прошлое, — нет.

Илья Марат сидел боком, прижимая плоский футляр к бедру.

— Удобное правило для поезда, где прошлое скрывают все.

— Поэтому мы будем говорить не о прошлом.

Ирина вывела на стену пустую схему пяти вагонов. Без имён, без карточек, без исходных данных — только двери, узлы и время.

— Мне нужны наблюдаемые действия: кто где находился, что нёс, какой дверью пользовался, к какому устройству прикасался. Временная биография законна. Несовпадение биографии с человеком не доказывает убийство. Отказ назвать исходное имя тоже не доказывает убийство.

— А ложь? — спросила Вера.

— Ложь о перемещении может стать уликой, если её опровергнет независимый след. Ложь о прошлом может означать только то, что программа работает по назначению.

Нора Ланская впервые посмотрела на Ирину не как на помеху.

— Вы это сейчас придумали?

— Нет. Сейчас я решила соблюдать.

Глеб провёл пальцем по шву пальто.

— Красивое различие. Но система всё равно раскроет манифест.

— Если мы не составим ограниченный акт.

— Кто такие «мы»?

— Все, кто хочет выйти из поезда со своей тайной.

— То есть сотрудничество добровольное под угрозой раскрытия.

— Угроза создана протоколом, не мной. Я не буду использовать её, чтобы вытянуть сведения, не относящиеся к смерти Белова.

— А кто проверит, что сведения относятся?

— Сначала вы сами. Я буду формулировать запрос до того, как получу ответ.

Семён усмехнулся.

— Судья объявляет, какой ответ ей нужен.

— Нет. Аудитор объявляет предел вопроса.

Ирина указала на схему.

— Первый вопрос одинаков для всех. Где вы находились за сорок одну минуту до открытия архива и до момента общего сбора? Не называйте причину поездки, профессию или людей из прошлого.

Ответы легли на схему разноцветными отрезками.

Нора утверждала, что была в третьем вагоне у медицинской ниши, затем пошла к первому после объявления Романа о локальном ограничении проходов. Вера оставалась возле багажа, потом вошла в свою кабину на две минуты за тёплой кофтой. Елена читала во втором вагоне. Семён работал за столом в четвёртом. Илья ходил между обзорным стеклом и переходом к третьему вагону. Глеб находился в своей кабине, затем вышел за пальто. Роман перемещался вместе с Ириной после проверки повторителя.

Ни один рассказ не покрывал всё окно смерти. Ни один не доказывал присутствие у архива.

— Теперь ключи, — сказала Ирина. — Положите их перед собой. Не передавайте друг другу.

Семь белых пластин появились на столах. Служебный ключ Романа был чёрным и крепился к запястью коротким ремешком.

У Глеба пластина вышла из внутреннего кармана пиджака, не из пальто.

Ирина запустила ближнюю сверку по одному месту. Все ключи ответили из общей зоны. Ключ Веры — тоже. Второго ответа не было.

— Значит, копия осталась где-то в поезде, — сказала Вера.

— Либо была отключена, экранирована или разобрана, — ответил Роман.

— Это успокаивает.

— Я техник, не успокоитель.

Ирина сохранила сверку.

— Право открывать архив было только у хранителя?

— Штатно — да, — сказал Роман. — Аварийно нужны две служебные роли, как у нас.

— Можно ли открыть штатно чужим передатчиком, если скопировать право?

— Дверь проверяет подпись и ближнюю геометрию. Если копия сделана правильно, для неё это будет право хранителя.

— А внутреннюю защёлку?

— Только изнутри.

Семён откинулся на спинку.

— То есть убийца вышел сквозь стену.

— Нет, — сказала Ирина. — Это означает лишь, что защёлку закрыли изнутри до нашего открытия. Мы ещё не знаем когда и кем.

— Белов заперся, выпил яд, — предположила Елена. — Тогда убийцы нет.

Нора медленно покачала головой.

— Причина смерти не установлена.

— Я сказала «если».

— Слово «яд» останется у всех, даже если «если» забудется.

— Спасибо, — сказала Ирина. — До анализа стакана мы не называем вещество. До проверки причинности мы не называем смерть убийством. Но рассматриваем вмешательство, потому что иначе не сможем остановить раскрытие.

Глеб поднял брови.

— Вам нужно преступление, чтобы исправить собственный протокол.

В общей зоне стало тихо.

Ирина не спросила, откуда он знает об её подписи. Вопрос выдал бы, что он попал в цель.

— Мне нужны факты, — сказала она. — Роман, покажите журнал дверей первого вагона. На схеме появились метки. Вход по праву хранителя. Закрытие створки. Внутренняя защёлка. Затем их аварийное открытие. Между событиями — пустота.

— Этот журнал можно изменить? — спросил Илья.

— Можно заменить узел целиком, — ответил Роман. — Тогда изменится корень проверки и появится разрыв с заводской цепочкой.

— Сейчас цепочка цела?

— Да.

— Значит, никто не входил.

— Значит, дверь не зарегистрировала другого открытия, — поправила Ирина.

Илья улыбнулся одним уголком рта.

— Начинаю понимать вашу религию.

— Это не религия. В ней слишком легко проверить священные тексты.

Роман увеличил участок коридора перед архивом.

— Дверь считает створку. Переход в первый вагон считает проходы. Между ними есть ещё баланс пола.

Ирина повернулась к нему.

— Вы говорили, пол архива отдельно не взвешивается.

— Архива — нет. Вагон считает распределение нагрузки для подвески. Точности не хватает, чтобы назвать человека. Но если вы хотите только действие...

Он подключил копию журнала к своему терминалу и выбрал интервал от входа Белова до начала слепой зоны. На схеме возникла тонкая линия. Состав раскачивало, пассажиры перемещались, багаж смещался на поворотах. Сырые цифры ничего не объясняли.

— Нужно вычесть известные проходы и движение поезда, — сказал Роман.

— Не подгоняйте под число людей.

— Я вычту только показания сцепок и ускорение. Результат останется диапазоном массы.

Он запустил расчёт. Линия распалась на серые полосы. За минуту до последнего подъёма Белова кресло показывало его массу, а коридор — почти постоянную нагрузку. Затем у двери архива появилась дополнительная масса.

Ирина наклонилась к экрану.

— Откуда она пришла?

— Из пассажирского коридора первого вагона. Смотрите на перенос между секциями пола.

Полоса двигалась к архиву. Остановилась перед дверью. В этот момент створка не открывалась.

— Диапазон? — спросила Ирина.

— От пятидесяти восьми до девяноста двух килограммов. Верх плавает из-за поворота.

— Чемодан на колёсах?

— Тогда часть массы осталась бы на секции позади и был бы другой рисунок шага. Здесь нагрузка чередуется. Две опоры.

— Человек, — сказала Вера.

— Объект с человеческим рисунком переноса массы, — ответила Ирина.

Роман прокрутил дальше. Дополнительная нагрузка исчезла у двери не сразу. Сначала Белов встал с кресла. Через три секунды створка архива зарегистрировала короткое освобождение уплотнителя — не открытие, а давление изнутри на ручку.

— Это что? — спросила Нора.

— Кто-то внутри потянул дверь, не отперев, — сказал Роман.

— Белов проверил, закрыта ли она, — предположил Семён.

— Возможно.

Дополнительная масса перед архивом оставалась ещё одиннадцать секунд. Потом двинулась назад по коридору. В то же время масса кресла вернулась.

Ирина остановила запись.

— Повторите расчёт другим способом.

— Каким?

— Не через распределение пола. Через расход коррекции подвески.

Роман посмотрел на неё с одобрением, которого она не просила.

— Это менее точно, но независимо.

Он открыл журнал исполнительных узлов. Подвеска каждого вагона компенсировала наклон отдельно. По времени совпала та же волна: нагрузка прошла по коридору, задержалась у архива и ушла.

— Два источника используют одни датчики массы? — спросила Ирина.

— Нет. Первый — тензополосы пола. Второй — давление в правом и левом компенсаторах.

— Значит, два независимых основания.

— Для присутствия нагрузки. Не для личности.

— Личность мне пока не нужна.

Она сохранила оба фрагмента в локальный доказательный журнал. Система присвоила им общий номер и отдельно указала корни проверки.

На схеме появилась первая твёрдая отметка: неизвестный человек находился у закрытого архива, пока Белов был жив и вставал с кресла.

— Он не входил, — сказал Илья.

— Дверь не открывалась, — ответила Ирина.

— Какая разница?

— Можно передать предмет через сервисную щель, говорить через дверь, заставить человека сделать что-то внутри. Можно прийти за ключом и уйти без него. Мы не знаем действия, только присутствие.

— Тогда проверьте, кто столько весит, — сказал Семён.

Несколько человек одновременно посмотрели на Нору. Она была самой высокой в группе.

Ирина погасила диапазон на стене.

— Нет.

— Почему? — спросил Семён. — Вот же независимый след.

— Диапазон включает почти любого взрослого здесь. Вес тела вместе с одеждой и предметами не устанавливает личность. Если начнём взвешивать людей, получим ложную точность и раскроем медицинские данные без пользы.

Нора отвела взгляд от Семёна.

— Разумно.

— Зато можно проверить направление, — сказал Роман. — Человек пришёл из пассажирской части первого вагона и вернулся туда же. Переход в первый вагон не фиксировал вход в этот момент.

Ирина снова включила схему. В первом вагоне находились три пассажирские кабины и архив. Значит, неизвестный уже был в вагоне до начала короткого события.

— Кто занимал кабины первого вагона? — спросила она.

На карточке размещения появились временные имена: Артём Белов, Елена Вольская и Глеб Рудин.

Глеб не изменился в лице.

Елена побелела.

— Я не выходила, — сказала она. — Я читала во втором вагоне.

— Вы только что утверждали, что находились во втором, — ответила Ирина. — Это будет проверено по проходам. Глеб сказал, что был в своей кабине.

— И был.

— Тогда вам обоим предстоит объяснить не прошлое, а перемещения.

— А если я откажусь? — спросил Глеб.

— Отказ останется отказом. Не признанием.

— Вы даже угрожать умеете осторожно.

— Я ещё не угрожала.

Ирина посмотрела на серое пальто. Оно лежало неподвижно, но нижний край оттягивала прежняя тяжесть.

Теперь у неё имелось подтверждённое присутствие человека у архива и двойной ответ ключа Веры. Два события пока не соединялись. Чтобы осмотреть пальто, требовалось основание связать вещь с одним из них.

Она открыла журнал гардеробной секции второго вагона. Крючок не записывал владельца, только нагрузку — защита от забытых вещей перед прибытием. Серое пальто снимали дважды. Первый раз — во время контрольного запроса ключа. Второй — за три минуты до появления неизвестной массы у архива.

— Ваше пальто находилось на общем крючке? — спросила Ирина.

— Вы видели его там, — сказал Глеб.

— Кто снял его второй раз?

— Я.

— Куда отнесли?

— В кабину.

— В первый вагон?

— Да.

— И оставались там до объявления?

— Да.

Это ещё не было ложью. Это было признанием маршрута, который совпал с появлением неизвестного у архива.

Ирина коснулась формы осмотра общего предмета. После снятия с крючка пальто снова стало личной вещью. Для принудительной проверки требовалось связать его с аномальным передатчиком или архивом вторым основанием.

— Я прошу добровольно показать содержимое подкладки, — сказала она.

Глеб улыбнулся.

— Отказываюсь.

— Отказ не признание, — напомнил Илья.

— Именно.

Ирина закрыла форму.

— Пальто останется здесь под визуальным контролем. Вы можете держать его при себе, но не имеете права унести в кабину до окончания первичного учёта.

— На каком основании?

— Оно прошло по общему учётному крючку в момент двух независимых аномалий. Я не досматриваю его и не изымаю. Я сохраняю наблюдаемое состояние.

Глеб взял пальто со спинки и положил на стол перед собой.

— Так достаточно наблюдаемо?

— Да.

Вера резко втянула воздух.

Из-под нижнего края пальто донёлся короткий электронный щелчок.

На стене вспыхнул запрос ближней сверки, хотя Ирина его не запускала.

Ключ Веры ответил со стола.

Через долю секунды второй ответ пришёл из-под ладони Глеба.

Глава 5. Чужой билет

Щелчок был тихим, почти бытовым, но после него никто не шевельнулся.

На стене горели две строки. Первая подтверждала ключ Веры на столе. Вторая показывала тот же номер — 7А-41 — и ближнюю подпись первого вагона, хотя серое пальто лежало перед Глебом во втором.

— Уберите руку, — сказал Роман.

— Нет, — ответила Ирина раньше Глеба.

Роман повернулся к ней.

— Передатчик активен. Он может принять новую команду.

— Поэтому никто не меняет положение предметов. Глеб, ладонь оставьте там, где она была в момент ответа.

— Вы всё-таки решили меня задержать?

— Я сохраняю наблюдаемое состояние. Это не задержание и не досмотр.

— Удобные слова.

— Они отделяют то, что мы видели, от того, что хотим увидеть.

Ирина вывела на стену журнал запроса. Сверку запустил не её терминал. Команда пришла из первого вагона, от архивного контура, уже закрытого аварийной блокировкой. Задержка между двумя ответами составляла меньше секунды, но подписи расстояния разошлись так, будто одна пластина лежала на столе, а другая находилась за двумя переборками.

— Может быть отражение сигнала? — спросила Елена.

— Нет, — сказал Роман. — Отражение повторило бы одну подпись. Здесь два генератора случайного ответа.

— Тогда копия у него, — сказала Вера.

Глеб посмотрел на неё, не убирая ладони.

— Или под пальто. Это не одно и то же.

— Пальто ваше.

— Оно висело на общем крючке. Полчаса назад это было главным аргументом госпожи Ладиной.

Он был прав. Ирина заметила, как несколько человек ждут, что она выберет более удобную версию.

— Пока установлено только место второго передатчика, — сказала она. — Не владелец, не изготовитель и не человек, который им пользовался.

Вера сжала белую пластину пальцами.

— На нём мой билет.

— На нём право вашего билета. Это тоже не одно и то же.

Ирина попросила поезд открыть протокол временной изоляции неподтверждённого устройства. Экран показал три допустимых основания: угроза движению, вмешательство в медицинский контур или доказанная конкуренция двух средств с одним билетным правом. Третье основание требовало двух независимых наблюдений.

Первое уже было: два одновременных ответа при посадочной сверке. Второе только что возникло на глазах у всех, но оба события проходили через систему связи. Один источник, повторённый дважды, не становился независимым.

— Нам нужно физическое подтверждение, — сказала Ирина.

— Хотите вспороть подкладку? — спросил Глеб.

— Нет. Роман, у аварийного набора есть пассивный экран?

— Есть контейнер для повреждённых ключей. Но чтобы положить туда устройство, надо его извлечь.

— Не обязательно. Поднесите контейнер к краю пальто, не касаясь ткани.

Роман принёс из шкафа плоский серый футляр. Пломба на нём была целая. Ирина прочитала номер вслух, дала стене зафиксировать его и попросила Веру положить настоящий ключ в прозрачную нишу на другом конце стола.

— Зачем? — спросила Вера.

— Чтобы его ответ не смешивался со вторым.

Роман раскрыл футляр. Между половинами находился мягкий экран, который не глушил сигнал полностью, а резко сокращал его дальность. Он поднёс раскрытый контейнер к нижнему краю пальто.

Строка 7А-41 на стене ослабла. Когда экран оказался справа от внутреннего шва, ответ исчез. Роман отвёл футляр — ответ вернулся. Повторил с другой стороны — ничего не изменилось.

— Устройство в правой нижней части, — сказал он.

— Или под ней на столе, — заметил Глеб.

Ирина попросила его медленно поднять пальто двумя пальцами за воротник. Под тканью ничего не было. Сигнал поднялся вместе с вещью. Датчик нагрузки стола отдельно подтвердил: скрытого предмета на поверхности не осталось.

Теперь у них были радиосигнал и физическое перемещение массы вместе с пальто.

— Основание для изоляции достаточно, — сказала Ирина. — Но не для вскрытия личной вещи. Вы можете извлечь устройство сами и положить его в контейнер. Либо мы поместим туда пальто целиком, не раскрывая карманов и подкладки.

— А третий вариант?

— Вы оставляете передатчик активным, и тогда поезд блокирует оба ключа 7А-41 как конкурирующие. Вера теряет маршрутные права до Северного Узла.

— Почему я? — Вера вскочила. — Он держит копию, а блокируют меня?

— Система не знает, какая пластина исходная. Поэтому я и предлагаю изолировать вторую без аннулирования права.

Глеб опустил пальто в раскрытый футляр.

— Целиком. И запишите, что я не разрешал досмотр.

— Уже записано.

Роман сомкнул половины контейнера. Щёколкнули две механические защёлки. Ирина наложила аудиторскую пломбу, Роман — техническую. Ни одна сторона не могла открыть футляр без следа другой.

На стене остался один ответ 7А-41 — от ключа Веры в прозрачной нише.

— Теперь пальто считается изъятым? — спросил Глеб.

— Временно изолированным по вашему выбору. Оно останется в общей зоне. Вы получите термопокрывало и расписку.

— Великодушно.

— Температура в первом вагоне шестнадцать градусов. Это не великодушие.

Ирина проверила корни записи. Один фиксировал двойной ответ. Второй — изменение слабого радиополя при перемещении экрана. Третий — массу вещи, поднимающуюся со стола. Достаточно, чтобы законно удерживать устройство. Недостаточно, чтобы назвать Глеба человеком у архива.

— Спросите его, зачем ему мой ключ, — сказала Вера.

— Сначала я спрошу вас, — ответила Ирина.

Вера замерла.

— Меня?

— Две копии с одинаковым правом не возникают от близости пальто. Когда ваш ключ последний раз покидал ваши руки до посадки?

— Никогда.

Ответ прозвучал слишком быстро. Не как ложь, а как дверь, захлопнутая от сквозняка.

Ирина не повторила вопрос. Она открыла схему посадочного терминала. Перед входом на платформу каждый пассажир проходил три зоны: проверку маршрута, выдачу временной карточки и шлюз багажа. Внешняя запись закончилась перед тоннелем, но локальные квитанции оставались в ключах.

— Я не прошу назвать настоящее имя, — сказала Ирина. — Не прошу объяснять, от кого вы уезжаете. Мне нужен только путь пластинки за последние три часа.

— Она была у меня.

— На шнурке?

Вера посмотрела на собственные руки.

— В кармане.

— Каком?

— Куртки.

На ней была тёплая кофта, за которой она ходила в кабину. Куртка лежала в багажной нише третьего вагона.

— На посадке вы были в этой куртке?

— Да.

— Кто-нибудь помогал с багажом?

— Там нет носильщиков.

— Я спросила не о сотруднике.

Вера отвела взгляд к чёрному окну. По стеклу бежали отражения потолочных полос, и каждое на мгновение делило её лицо надвое.

— Перед шлюзом заело колесо чемодана.

Никто не перебил.

— Один человек сказал, что я встала не в ту линию. Показал на жёлтую метку. У него был жилет платформенной службы.

Роман нахмурился.

— На безопасном терминале нет платформенной службы в пассажирской зоне.

— Откуда мне было знать? Он говорил как сотрудник. Сказал, система не успела записать маршрутное право и надо проверить пластинку вручную.

— Вы отдали ему ключ? — спросила Ирина.

— На несколько секунд.

— Сколько?

— Не знаю. Десять. Может, двадцать. Он приложил его к маленькому считывателю, дождался зелёного огня и вернул.

— Как выглядел считыватель?

— Серый. С двумя пазами.

Роман тихо выдохнул.

— Два паза — это не проверка билета. Это мост переноса прав.

— Вы уверены? — спросила Ирина.

— В назначении устройства — да. В том, что было у неё в руках, — нет. Я его не видел. Ирина кивнула. Даже сейчас он соблюдал предел.

— Что сделал человек после возврата ключа?

— Поднял чемодан через направляющую. Потом ушёл к соседнему шлюзу.

— Вы видели лицо?

— Козырёк, шарф. Я запомнила только перчатки. На правой не хватало светлой полосы на указательном пальце, будто покрытие содрали.

Глеб поднял обе руки. На нём были тонкие тёмные перчатки без повреждений.

— Чтобы мы не теряли время на взгляды, — сказал он.

Ирина не стала просить снять их. Перчатки можно было заменить, а описание Веры пока ничем не подтверждалось.

— Почему вы не сказали раньше? — спросила Елена.

Вера повернулась к ней.

— Потому что все сразу решили бы, что я передала ключ сообщнику. Или что человек пришёл за мной.

— Пришёл за вами? — переспросил Семён.

— Это не относится к маршруту пластинки, — остановила его Ирина.

— Но объясняет молчание.

— Объяснение молчания не требуется, чтобы проверить действие. Мы не покупаем признание правом на чужое прошлое.

Семён поднял ладони.

Вера села.

— Я думала, если промолчу, копия окажется ошибкой системы.

— Ошибка была в том, что вы передали ключ, — сказала Ирина. — Но копирование, помещение передатчика в пальто и действия у архива совершал кто-то ещё. Эти звенья нельзя приписать вам только потому, что первое началось с вашего решения.

— Вы не считаете меня виновной?

— В чём именно?

— В смерти Белова.

— У меня нет двух независимых оснований даже утверждать, что вы были у архива. Ваш ключ там не отвечал. Его копия отвечала из переходной зоны и теперь обнаружена в пальто. Это связывает чужое устройство с вашим правом, а не вас с чужими действиями.

— Но вы всё равно будете проверять меня.

— Ваши перемещения — да. Вашу настоящую биографию — нет.

Глеб постучал пальцем по пломбированному футляру.

— Прекрасная речь. Только пальто всё ещё моё.

— И маршрут пальто совпадает со временем появления неизвестной массы у архива, — сказала Ирина. — Поэтому мы проверим маршрут. Не ваше имя.

— Вы уже решили, что жилет носил я.

— Нет. Я решила найти независимую квитанцию посадки.

В локальной памяти ключа Веры сохранились четыре записи: выпуск временного права, проверка турникета, ручная операция и вход в поезд. Ручная операция была подписана как диагностика, но её длительность составляла восемнадцать секунд. Обычная проверка занимала меньше двух. В записи существовал второй корень — серийный номер устройства, проводившего обмен.

Роман сверил его с перечнем терминала.

— Такого прибора у станции нет.

— Значит, запись поддельная? — спросила Вера.

— Значит, прибор не принадлежит станции, — ответила Ирина.

Она запросила у ключа только результат операции, не содержимое временной биографии. Ответ пришёл короткий: право 7А-41 было считано полностью, создан дочерний передатчик, срок его действия совпадал со сроком билета. Операция не могла изменить имя или маршрут, только воспроизвести дверные и ближние полномочия.

Вера закрыла лицо ладонями.

— Я сама впустила его.

— Вы позволили скопировать право на посадке, — сказала Ирина. — Архив этим правом штатно не открывается. Между вашей ошибкой и смертью Белова остаются действия, средства и решения другого человека.

— Если бы я не отдала пластинку...

— Тогда он искал бы другой путь. Причинная цепочка расследования не обязана становиться цепочкой вашей вины.

Нора придвинула Вере стакан воды. Та сначала посмотрела на него с испугом, словно любой стакан теперь был уликой, потом взяла обеими руками.

Ирина сохранила ограниченную выписку. В ней не было ни настоящего имени Веры, ни причины её поездки, ни данных о багаже. Только время, тип операции, корень неизвестного устройства и срок дочернего права.

— Теперь у нас есть подтверждение происхождения копии, — сказал Роман.

— И место, где её создали, — добавил Илья.

— Место операции, — поправила Ирина. — Не место подготовки.

Она наложила запись на события ночи. Копия появилась за двадцать три минуты до отправления. При первой сверке отвечала из багажа третьего вагона и перехода четвёртого. Позже оказалась в сером пальто. Значит, кто-то переносил её как минимум дважды: от посадочного шлюза в поезд и из одной части состава в другую.

— Если копия была в моём пальто, зачем она отвечала из третьего вагона? — спросил Глеб.

— Хороший вопрос, — сказала Ирина. — Ваше пальто в тот момент висело во втором.

— Значит, устройство подложили позже.

— Это одна из версий.

— И она вам не нравится.

— Версиям не обязательно нравиться. Им нужно пережить проверку.

Ирина открыла журнал багажа. Он не записывал личности и содержимое, только массу ниш, открытие створок и предупреждения о незакреплённых предметах. Во время первой двойной сверки ниша Веры была открыта. За девять секунд до второго ответа створка закрылась, хотя Вера стояла рядом с Ириной в переходе.

— Кто-то трогал мой чемодан, — сказала Вера.

— Кто-то открыл общую нишу, — ответила Ирина. — Ваш чемодан там не единственный.

В журнале не было камеры и ключа доступа: в бытовом вагоне створка открывалась любым пассажирским правом. Но у события сохранился расход подсветки. На девять секунд включилась внутренняя полоса, затем погасла. Простая бытовая деталь подтверждала, что второй ответ возник рядом с реально открытой нишей, а не был нарисован журналом связи.

— Копию оставили в багаже, чтобы мы увидели два места, — сказал Илья.

— Или переносили и случайно вызвали сверку, — сказала Елена.

— Первый запрос был плановым, — напомнил Роман. — Его время знали все, кто видел посадочную последовательность.

Ирина отметила обе версии. Намеренная демонстрация двойного ключа могла отвлекать внимание. Случайный ответ мог выдать незавершённый перенос. Пока они были равны.

Вера убрала ладони от лица.

— Тот человек на платформе спросил, в каком вагоне мой багаж.

— Что вы ответили?

— В третьем. Это было написано на направляющей. Я решила, он проверяет, туда ли отправлен чемодан.

— Он называл вас Верой?

— Нет. Сказал «пассажир семь-А».

Это не связывало его с настоящей личностью. Он выбрал право, удобное для доступа к общим пассажирским зонам, и узнал место, где копию можно было оставить до отправления.

— Вы сможете узнать голос? — спросила Ирина.

— Не уверена.

— Тогда не будем превращать неуверенность в опознание.

На таймере оставалось пять часов двадцать две минуты.

Ирина посмотрела на пломбированный футляр. Законно изолированный передатчик сохранял след, но пока не раскрывал, кто положил его в пальто. Признание Веры объясняло происхождение копии, но не архив. Между ними лежал промежуток — несколько вагонов, несколько рук и одна смерть.

Из первого вагона снова пришёл автоматический запрос. На этот раз копия молчала внутри экрана. Настоящий ключ Веры ответил со стола.

Одновременно в архивном контуре появилась новая запись: внутренний датчик отметил каплю жидкости у кресла Белова.

— Раньше её не было? — спросила Ирина.

Роман приблизил показание.

— Была. Анализ завершился только сейчас. Вода, подсластитель и следы минерального состава.

— Из питьевого контура?

— Сейчас сравню.

Ирина посмотрела на Веру. Та всё ещё держала принесённый Норой стакан, но теперь уже не дрожала.

Чужой билет перестал быть обвинением против неё. Он стал маршрутом чужого действия.

А следующий участок маршрута начинался не с имени, а с воды на полу архива.

Глава 6. Сахар на полу

Роман вывел рядом два спектра. Один принадлежал капле у кресла Белова, второй — воде из питьевого крана третьего вагона. Линии почти совпадали, пока он не увеличил правый край.

— Здесь соли больше, — сказала Ирина.

— И другой след металла. Питьевой контур проходит через полимерную магистраль. В образце есть никель.

— Опасная концентрация?

— Нет. Это не отравление металлом. Такая примесь остаётся после контакта с рабочей арматурой.

Вера поставила свой стакан подальше.

— Техническая вода?

— Пока вода с признаком металлического контура, — ответила Ирина.

Роман открыл схему ресурсов. У «Меридиана-12» было три независимых запаса: питьевой, санитарный и технический. Последний охлаждал силовые блоки, промывал наружные датчики и пополнял увлажнители переходов. В пассажирские краны он не подавался.

— Где его можно набрать внутри? — спросила Ирина.

— Штатно нигде. Есть сервисные точки в первом и пятом вагонах.

— Кто имеет право их открыть?

— Мой ключ. И аварийное право подрядчика, если оно действительно существует в этой редакции.

Глеб сидел без пальто, завернувшись в серое термopокpывало. Он поднял глаза.

— Вы снова нашли право, которое удобно приписать мне.

— Мы нашли контур, — сказала Ирина. — Право ещё не запрашивали.

— Но запросите.

— После физического сравнения.

В архиве оставались стакан, крышка с белыми гранулами и капля на полу. Ирина запретила переносить их в общую зону. Вместо этого Роман подключил к сервисному порту одно-разовый капилляр из аварийного набора. Камера была выключена: изображение могло захватить бумажный лист и личные данные хранителя. На стену шли только показания датчика и номер пломбы.

Сначала они взяли пробу из питьевого контура. Потом из технической точки пятого вагона. Третий образец Роман получил в первом вагоне, из узла за стенкой архива.

— Разве вода там не одна и та же? — спросил Илья.

— Запас один, ветви разные, — сказал Роман. — Металлический след зависит от клапана.

Три спектра легли друг на друга. Капля не совпала с питьевой водой. С ветвью пятого вагона совпали соли, но расходился никелевый пик. Образец первого вагона повторял каплю по всем измеренным признакам.

— Значит, стакан наполнили из технической точки рядом с архивом, — сказала Елена.

— Нет, — ответила Ирина. — В капле была вода из этой ветви. Где и когда её налили в стакан, ещё неизвестно.

— Вы способны испортить даже очевидность.

— Очевидность портится сама, когда её проверяют.

Ирина запросила расход ветви первого вагона. График показал обычную коррекцию давления, две промывки наружного датчика и один короткий ручной отбор — сто восемьдесят миллилитров за тридцать четыре минуты до открытия архива.

— Объём стакана, — сказал Роман.

— Диапазон объёма стакана, — поправила Ирина. — Погрешность?

— Плюс-минус двенадцать миллилитров.

В кресле Белов сидел уже тогда. Дверь архива была закрыта, второй человек у неё появился позже.

— Точка находится внутри кабины? — спросила Нора.

— Нет. За сервисной панелью в коридоре. От неё до архива меньше метра.

Ирина наложила события на одну шкалу. Ручной отбор воды произошёл за тридцать четыре минуты до открытия. Неизвестная масса подошла к двери за двадцать семь минут. Белов вставал за двадцать шесть. Потом коридор снова опустел.

— Семь минут между водой и человеком, — сказал Илья.

— Между зарегистрированным отбором и появлением нагрузки у двери, — уточнила Ирина.

— Когда же он умер? — спросила Вера.

Предварительное окно было слишком широким: от восемнадцати до сорока одной минуты до осмотра. Его дали температура тела, кресло и отсутствие движений, но ни один метод не был точен сам по себе.

Нора попросила открыть химический состав нерастворённых гранул с крышки. Ирина сформулировала запрос заранее: определить только растворимость, состав пищевой основы и наличие веществ, способных непосредственно объяснить смерть. Ответ пришёл через минуту.

— Обычный подсластитель, — сказала Нора. — Смесь двух пищевых компонентов. В обнаруженном количестве не объясняет смерть взрослого.

— Почему он не растворился? — спросила Вера.

— Потому что оказался на крышке, а не в воде.

— Или его стряхнули из стакана.

Нора приблизила изображение гранул.

— Края частично округлены. Они контактировали с жидкостью, но недолго.

Роман посмотрел на неё.

— Можете определить сколько?

— По одной фотографии — нет. Нужны температура, состав воды и исходный размер гранул.

— Температуру воды можно восстановить по ветви, — сказал он. — Она измеряется у клапана.

Ирина снова ограничила вопрос. Их интересовало не заболевание Белова и не привычки человека под временным именем, а длительность контакта конкретного подсластителя с конкретной водой.

Нора составила три малых пробы из аварийного запаса того же продукта. Одну смочили питьевой водой, вторую — технической из пятого вагона, третью — водой из ветви первого. Температуру выставили по журналу клапана: одиннадцать градусов.

— Это эксперимент в движущемся поезде, — предупредила Нора. — Он даст диапазон, а не секунду смерти.

— Диапазона достаточно, — сказала Ирина.

Они наблюдали, как острые грани исчезают. Через две минуты гранулы из питьевой воды стали похожи на найденные лишь отдалённо. В технической воде первого вагона сходство появилось раньше из-за минерального состава, но полностью совпало между сороковой и семьдесят второй секундами.

— Значит, крышка лежала в воде около минуты, — сказала Вера.

— Гранулы контактировали с водой примерно столько, — ответила Нора. — Крышка могла быть наклонена, жидкость могла стекать.

Ирина попросила сравнить не изображение, а массу растворившейся части. Результат сузил диапазон: от сорока восьми до шестидесяти пяти секунд.

В журнале кресла был только один период движения длительностью шестьдесят четыре секунды — последний подъём Белова.

На общей шкале линии сошлись.

— Он встал, взял стакан и пролил воду, — сказал Семён.

— Не обязательно сам, — сказала Ирина. — Но жидкость коснулась гранул в интервале его последнего подъёма.

— Тогда он был жив за девять минут до слепой зоны.

— Кресло показывает, что нагрузка исчезла и вернулась. Факт жизни подтверждает движение ручки изнутри тремя минутами раньше. После возвращения нагрузки самостоятельных действий нет.

Нора просмотрела медицинский минимум, который система позволяла раскрыть после смерти: сердечный ритм без диагноза и без биографической привязки. Данные браслета обрывались не сразу. За семь секунд до возвращения нагрузки на кресло ритм резко изменился; ещё через девяносто секунд стал несовместим с сознательным движением.

— Причину это не устанавливает, — сказала она. — Но сужает потерю способности действовать.

Ирина добавила второй независимый признак: после возвращения массы кресло само корректировало положение тела, не получая ответного давления ног. Значит, Белов либо уже потерял сознание, либо был обездвижен.

Окно события стало короче двух минут.

— Незвестный у двери ушёл раньше, — заметила Елена.

— На одиннадцать секунд раньше возвращения массы в кресло, — сказал Роман.

— Тогда он не мог посадить Белова обратно.

— Если не входил, то и не мог, — сказал Семён.

Ирина приблизила дверной журнал. Створка не открывалась. Но за три секунды до ухода неизвестной массы ручку потянули изнутри. После этого Белов оставался вне кресла ещё четырнадцать секунд.

— Они обменялись чем-то через сервисную щель, — сказала Вера.

Роман проверил конструкцию.

— Щели нет. Есть возвратный лоток для бумажных квитанций. Он открывается изнутри, без регистрации двери.

На схеме появился узкий короб у пола. Лоток был рассчитан на документы, которые хранитель мог принять без допуска посетителя в кабину.

— Стакан не пройдёт, — сказал Илья.

— А крышка? — спросила Ирина.

— Пройдёт.

— Пакет подсластителя?

— Тоже.

Они пока не знали, что передали Белову. Но временная последовательность обрела форму: кто-то заранее отобрал техническую воду, подошёл к двери, вызвал хранителя к лотку, а затем ушёл до того, как Белов вернулся в кресло и потерял способность двигаться.

— Проверьте стакан на следы питьевого крана, — сказала Ирина.

— Какие именно? — спросил Роман.

— Пассажирские краны дозируют воду порциями. На дне остаётся микрослед санитарной подсветки?

— Метка распадается за час. Да, должна остаться.

В стакане метки не было. Зато на внутренней стенке сохранилась полоска высохшего напитка — не того, что лежало на полу. В ней были питьевая вода и тот же подсластитель.

Нора медленно повернула стакан в захвате.

— Его использовали раньше. Напиток высох. Потом в него налили техническую воду.

— И бросили нам крышку с сахаром, — сказала Елена.

— Подсластителем, — автоматически поправил Роман.

Ирина смотрела на белые гранулы. Бытовая сцена обещала простое объяснение: человек приготовил напиток, выпил и умер. Но свежая жидкость не была питьевой, а подсластитель касался её лишь около минуты. Стакан не подтверждал привычку жертвы. Он был реквизитом.

— Зачем инсценировать напиток, если он не содержит причины смерти? — спросила Вера.

— Чтобы мы искали причину в стакане, — сказал Илья.

— Или в человеке, который мог принести напиток, — добавила Нора.

Ирина посмотрела на неё.

— Вы находились у медицинской ниши третьего вагона. У вас могли быть препараты.

Нора выдержала взгляд.

— Могли. И если вы раскроете мои ограничения, получите десяток страшных слов вместо доказательства.

— Поэтому мы этого не сделаем.

Семён недоверчиво хмыкнул.

— А если причина смерти медицинская?

— Тогда экспертный контур ответит на ограниченный вопрос о веществе или воздействии. Не выдаст нам профессию Норы и список её доступа.

Ирина сформулировала запрос: есть ли в стакане, капле или гранулах агент, способный вызвать наблюдаемое прекращение жизненных функций. Ответ был отрицательным в пределах панели обнаружения.

— Значит, убили не напитком, — сказала Вера.

— Значит, эти три образца не объясняют смерть, — сказала Ирина.

Глеб рассмеялся без улыбки.

— Вы строите расследование из поправок к чужим фразам.

— Пока они удерживают нас от ложных обвинений.

— И приближают к убийце?

— Да. Тот, кто поставил стакан, имел доступ к технической ветви первого вагона и знал, что бытовой след заставит нас проверять пассажиров, связанных с напитками или медициной.

— То есть Нору.

— То есть удобную версию. Не обязательно Нору.

Роман вызвал журнал сервисной панели. Ручной отбор воды был разрешён правом, обозначенным как «АРП-2». Расшифровки в пассажирском контуре не было.

— Аварийный представитель подрядчика, — сказал он.

Глеб перестал улыбаться.

— Вы обещали сначала физическое сравнение. Получили его. Теперь обвиняйте.

— Право использовано, — сказала Ирина. — Личность пользователя не установлена. Ключ мог быть скопирован так же, как ключ Веры.

— Наконец-то ваше сомнение работает и в мою пользу.

— Оно не работает в чью-то пользу. Оно сохраняет границу вывода.

Ирина внесла АРП-2 на схему, но не соединила линией с Глебом. Рядом поставила две подтверждённые отметки: техническая вода из ветви первого вагона и ручной отбор за тридцать четыре минуты до открытия. Потом добавила период контакта гранул с жидкостью и последние действия Белова.

Время смерти сузилось до промежутка после возвращения в кресло и до прекращения ритма. Незвестный уже уходил по коридору. Это не исключало его участия: действие могло быть отложенным, а предмет — переданным через лоток. Но сцена больше не выглядела внезапным бытовым несчастьем.

— Что было в бумажном листе? — спросил Илья.

Ирина вспомнила сложенный лист на столе архива.

— Мы ещё не раскрывали его. Сначала нужно определить, относится ли содержание к смерти.

— А если там написано имя убийцы?

— Тогда бумага переживёт ещё одну проверку.

Роман приблизил корень операции АРП-2. Право пришло не с сервисного ключа и не из панели. Его предъявил ближний передатчик, находившийся у стены архива. Тот же контур расстояния сохранил грубую подпись.

Ирина наложила её на подписи двойного ключа Веры. Они не совпали: копия 7А-41 в момент первой сверки была в третьем вагоне, а отбор воды происходил в первом. Значит, преступник пользовался как минимум двумя разными правами.

— Копия билета была отвлечением, — сказал Илья.

— Возможно, — ответила Ирина. — Или средством перемещения по пассажирским зонам. Для технической воды понадобилось другое право.

— АРП-2, — сказал Глеб. — Которое вы пока не можете связать со мной.

— Пока нет.

Ирина не отвела взгляда. Его спокойствие зависело от этого слова и одновременно выдавало, как внимательно он считает пределы доказательства.

На стене таймер сменился: пять часов ровно.

Поезд шёл сквозь тоннель, не снижая скорости. За окнами не было ничего, кроме отражённых лиц и редких красных огней в камне.

Ирина закрыла изображение стакана. Сахар на полу оказался не причиной, а указателем чужой режиссуры. Кто-то хотел, чтобы смерть Белова выглядела частной, случайной и связанной с одним из пассажиров. Но техническая вода оставила маршрут, который не имел биографии.

Следующий след вёл к решению, подписанному Ириной три года назад: праву АРП-2 и протоколу, позволившему ему пережить все ограничения.

Глава 7. Аудит Ирины

Архивная кабина не позволяла читать старые документы рядом с телом.

Ирина вывела журнал аудита на стену общей зоны. Пассажиры увидели не текст, а серый прямоугольник с тремя доступными полями: номер редакции, дата и перечень действующих исключений. Остальное лежало в закрытом контуре, где настоящие имена, должности и маршруты могли оказаться в одной строке.

Внизу стояла её подпись.

ЛАДИНА И. С. — ВЕДУЩИЙ АУДИТОР.

Три года назад буквы казались ей защитой от чужой небрежности. Теперь таймер над дверью показывал четыре часа пятьдесят две минуты.

— Это вы оставили право АРП-2? — спросила Елена.

— Я подписала редакцию, в которой оно осталось.

— Удобная разница.

— Не удобная. Точная.

Ирина выбрала раздел «основание решения». Контур предложил открыть весь пакет аудита после подтверждения чрезвычайного режима. Под кнопкой мелким шрифтом было написано: раскрытие пакета приравнивается к раскрытию связанных служебных ролей.

Она убрала руку.

Глеб заметил движение.

— Значит, до чужих секретов вы добираетесь ограниченными вопросами, а до своего документа — не хотите?

— Я не хочу получить вместе с ним имена людей, которые к смерти Белова могут не относиться.

— Или не хотите показать, что именно одобрили.

— Покажу то, что можно проверить без списка.

Роман подключил сервисный планшет к локальному узлу. Старые редакции хранились не целиком: поезд держал действующие правила и контрольные отпечатки документов. Полный пакет находился во внешнем архиве, недоступном в тоннеле. Но к каждому изменению прилагалась машинно читаемая причина — короткая формула, необходимая автоматике.

На стене появились четыре строки.

АРП-2: аварийный представитель подрядчика.

ОБЛАСТЬ: технические ресурсы до прибытия ремонтной группы.

УСЛОВИЕ: потеря внешней связи либо недоступность диспетчера.

ПРЕКРАЩЕНИЕ: подтверждение прибытия замещающей стороны.

— Вот почему оно сработало в тоннеле, — сказал Роман. — Потеря связи сама включает условие.

— Право не включилось, — ответила Ирина. — Оно стало допустимым. Для действия всё равно нужен носитель.

Глеб скрестил руки.

— И всё равно вы оставили подрядчику кран рядом с архивом.

— Не кран. Доступ к техническим ресурсам состава.

— Стакан спорит с вашей формулировкой.

Ирина приблизила строку прекращения. В ней не было времени. Не было числа операций. Не было обязательного подтверждения вторым служебным ключом. Право ожидало событие извне — прибытие замены, — а в слепой зоне такое событие не могло прийти по определению.

Семён прочитал первым.

— Значит, пока поезд без связи, представитель может пользоваться им сколько угодно.

— Пока не исчерпан локальный аварийный лимит, — сказал Роман. — Но лимит общий: вода, питание шкафов, сервисные створки. Один расход не закрывает право.

— Кто придумал такую щедрость?

Ирина открыла историю требований. Имена разработчиков были скрыты, зато причины изменений отображались без ограничений. Первоначальная редакция требовала двух носителей: представителя подрядчика и поездного техника. После испытания в горном тоннеле второй носитель исключили.

Причина: техник может быть пострадавшим; двойное подтверждение блокирует аварийное обслуживание.

Роман провёл большим пальцем по краю планшета.

— Разумно.

— Было разумно, — сказала Ирина.

— До сегодняшней ночи?

— До любого случая, когда аварийное право используют не для аварии.

Вера сидела у стола, положив ладони так, чтобы подлинный ключ оставался на виду. После истории с копией она больше не прятала руки.

— Вы знали, что носитель можно скопировать?

— Тогда считалось, что нельзя скопировать его ближнюю подпись без вскрытия корпуса.

— Сегодня скопировали мой.

— Ваш ключ относится к пассажирскому контуру. АРП-2 предъявили другим передатчиком, с другой подписью. Мы не знаем, скопировали его или использовали подлинный.

— Но возможность вы не проверили.

Вопрос прозвучал без обвинения, и от этого Ирина ответила не сразу.

На испытаниях они проверяли кражу, потерю, повреждение и одновременное предъявление двух носителей. Проверяли, как поезд поведёт себя, если техник без сознания. Как отключить воду при разгерметизации. Как открыть шкаф с резервным питанием, не дожидаясь внешней команды. Они не проверяли человека, который законно получит аварийную роль, заранее подготовит бытовую инсценировку и использует отсутствие связи как прикрытие.

— Не эту последовательность, — сказала она.

— Почему?

Глеб ответил вместо неё:

— Потому что аудиторы любят неисправности. У неисправности нет мотива соврать.

Ирина посмотрела на него.

— А подрядчики любят требования, в которых доверие к роли заменяет контроль действия.

Улыбка у него появилась не сразу.

— Вы всё-таки обвиняете.

— Я описываю ошибку протокола.

— Свою.

— Свою тоже.

Слова не принесли облегчения. Зато перестали мешать думать.

Ирина запросила не пакет аудита, а различие между редакциями. Система снова предупредила о связанных ролях. Она сузила запрос: показать только удалённые условия прекращения АРП-2, без авторов, организаций и дат испытаний.

На стене возникла одна зачёркнутая строка:

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОСЛЕ ОДНОЙ ОПЕРАЦИИ, ЕСЛИ НЕТ ВТОРОГО ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Рядом появился отпечаток решения Ирины.

Она помнила совещание. Не лица — прямоугольники окон на экране. В горном составе лопнула линия обогрева, техник отравился дымом от изоляции, а представитель подрядчика смог открыть только один шкаф. После замены предохранителя право погасло, и до второго шкафа пришлось добираться вручную. Двое пассажиров получили обморожения.

Ирина потребовала убрать ограничение одной операцией. Она написала тогда: безопасность людей важнее защиты от гипотетического злоупотребления в уже изолированном составе.

— Это не весь документ, — сказал Глеб.

— Нет. Это проверяемое различие, относящееся к праву.

— В полном документе может быть указано, кому его выдали.

— Может.

— И вы не откроете.

— Пока принадлежность права не нужна для объяснения того, как взяли воду.

— Вы расследуете убийство и отказываетесь узнать, кто имел оружие.

Нора подняла голову.

— Вода не была оружием.

— Спасибо за медицинскую тонкость.

— Это не тонкость. В стакане нет причины смерти.

Глеб повернулся к Ирине.

— Тогда зачем вы тратите время на АРП-2?

— Потому что оно связывает инсценировку с человеком, который знал технический контур. Но связь с инсценировкой ещё не доказывает убийство.

— Великолепно. У вас есть право без владельца, стакан без яда и мёртвый человек без имени.

— У нас есть последовательность наблюдаемых действий.

— Которую вы не можете отправить.

В этом он был прав.

Подготовка полного раскрытия была не сообщением, которое можно удалить. После смерти хранителя поезд собирал пакет из локальных долей. При первом устойчивом соединении пакет уходил двум держателям эскроу. Если оба подтверждали нарушение, временные биографии раскрывались уполномоченной группе целиком. Так Ирина сама решила проблему спорных данных: никто не мог скрыть нужную строку, выбрав удобный фрагмент.

Теперь полнота стала угрозой.

Она открыла условия отмены. Их было три.

Ложное медицинское подтверждение смерти.

Восстановление права хранителя самим держателем.

Ограниченный доказательный акт.

Первые два пути закрылись. Нора и медицинский контур независимо подтвердили смерть; право Белова прекратилось и не могло быть восстановлено локально.

Ирина выбрала третий пункт.

Система показала пустую схему акта. Не форму с фамилиями и должностями, а дерево корней. В вершине стояло событие, достаточное для внешней проверки. Ниже требовались четыре ветви: факт преступного воздействия, связь конкретного маршрутного права с действием, исключение системной ошибки и основание не раскрывать остальной манифест.

Каждая ветвь должна была иметь два независимых корня.

— Восемь доказательств? — спросил Илья.

— Не обязательно восемь, — сказал Роман. — Один факт может подтверждать разные ветви, если источник не общий.

— Тогда система сама решит, кто убийца?

— Нет, — сказала Ирина. — Система проверит подписи, время и отсутствие общего источника. Вывод формулирует человек и отвечает за него.

— Вы?

— Я.

— Та самая, что подписала дыру?

Илья спросил жёстко, но не отвёл взгляда. Ирина увидела в нём не злость, а расчёт риска. Он хотел знать, не прячется ли она за новым протоколом так же, как когда-то спряталась за старым.

— Та самая, — ответила она. — Поэтому моей подписи одной недостаточно.

Она вывела правила независимости.

Два датчика, питающиеся от одного контроллера, считались одним корнем. Журнал права и журнал двери, подписанные одним узлом, — тоже одним. Свидетельство пассажира не становилось независимым, если человек увидел событие только на общей стене. Медицинский вывод нельзя было заменить должностью пассажира. Настоящее имя не являлось доказательством действия.

Последняя строка была внесена в редакцию три года назад по требованию Ирины.

— Хотя что-то вы предусмотрели, — сказал Семён.

— Недостаточно.

— Вы всегда так разговариваете о себе?

— Когда от оценки зависит чужая безопасность.

— Нет. Когда можно выбрать слово похуже.

Ирина не ответила. Семён откинулся на спинку, но напряжение в общей зоне стало другим. Её подпись больше не была спрятанным предметом торга. Ошибка лежала на стене рядом с правилами, по которым её можно было исправить.

Вера указала на четвёртую ветвь.

— Как доказать, что нас не нужно раскрывать, не проверив каждого?

— Не нужно доказывать непричастность каждого человека, — сказала Ирина. — Нужно показать, что установленное событие объясняется ограниченным набором прав и действий, а остальной манифест не добавит необходимого основания.

— Красивые слова.

— Например: если техническую воду взяли по АРП-2, для этого действия не нужны ваши настоящее имя, профессия и маршрут до посадки. Если копию вашего ключа создали до отправления, нужно установить создание копии и её последующее положение, а не раскрывать, почему вы едете под временной биографией.

Вера медленно кивнула.

— А если мой секрет связан с тем, кто сделал копию?

— Тогда мы зададим вопрос о связи с копией. Не о секрете целиком.

Глеб подошёл ближе к стене. Между ним и Ириной оставался стол, на котором лежал ключ Веры.

— Допустим, вы соберёте акт. Кто решит, что он достаточен, пока связи нет?

— Никто. Локальный контур проверит структуру, но решение примут держатели после выхода из тоннеля.

— И до тех пор таймер идёт.

— Да.

— Значит, одна ошибка в вашей цепочке — и уйдёт полный пакет.

— Да.

— Тогда вам выгодно раскрыть документ сейчас. Получить владельца АРП-2 и построить цепочку вокруг него.

— Это дало бы имя роли, но уничтожило бы основание не раскрывать остальные роли. Акт, собранный из запрещённого массового доступа, сам подтвердит необходимость полного раскрытия.

— Протокол шантажирует вас чистотой.

— Протокол требует, чтобы цель не оправдывала способ.

Глеб посмотрел на таймер.

— Очень благородная машина.

— Это не машина. Это наше решение, записанное заранее.

Она сказала «наше», хотя на стене стояла её фамилия.

Роман проверил уже собранные данные по правилам независимости. Техническая вода имела два корня: химический состав капли и расход ветви. Время контакта гранул подтверждали эксперимент и движение кресла, но оба сходились только на инсценировке. Присутствие человека у двери держалось на тензополосах и компенсаторах подвески. Они были физически независимы, однако ещё не связывали массу с правом АРП-2.

Факт убийства оставался пустой ветвью.

Нора произнесла это вслух:

— Мы доказали, что Белов потерял способность двигаться. Не доказали преступное воздействие.

— И не установили, что человек у двери вызвал его состояние, — добавила Ирина.

Елена сжала губы.

— Значит, всё сначала.

— Нет. Теперь мы знаем, какого доказательства не хватает.

Ирина сохранила черновик акта. Контур присвоил ему номер, но оставил вершину серой. Рядом с каждой ветвью появилась отметка: допустимо, недостаточно, отсутствует.

АРП-2 было допустимо, но недостаточно.

Инсценировка — допустима, но недостаточна.

Преступное воздействие — отсутствует.

Основание ограничить раскрытие — недостаточно.

Таймер показывал четыре часа тридцать одну минуту.

— Что дальше? — спросил Роман.

Ирина закрыла историю аудита. В отражении тёмного окна её фамилия ещё секунду висела поверх лица, затем исчезла.

— Перестанем смотреть на людей как на список, — сказала она. — Проверим поезд как последовательность проходов.

Она вызвала схему пяти вагонов и наложила на неё уже известные события: копию ключа в третьем, пальто во втором, техническую воду в первом, неизвестную массу у архива. Между вагонами оставались четыре перехода. Три измеряли проход одинаково. Четвёртый, в гибкой сцепке, отдавал только суммарную нагрузку на две площадки.

Роман нахмурился.

— Там нельзя отличить человека от встречного человека.

— Зато можно заставить каждого пройти по одному и сравнить.

— Это раскроет массу.

— Диапазон уже раскрыт тензополосой. Точное значение нам не нужно.

Глеб вернулся к своему месту.

— Очередной ограниченный вопрос.

— Да.

— И если я откажусь?

— Отказ не докажет вину. Но маршрут останется непроверенным.

— Для вашего акта этого хватит?

— Нет.

Он ожидал угрозы и не получил её. На мгновение это разозлило его сильнее обвинения.

Поезд качнулся на длинной дуге. Красные огни за окнами ушли назад, и между ними проступила чёрная глубина тоннеля.

Ирина смотрела на серую вершину акта. Три года назад она убрала ограничение, потому что один человек не должен был замёрзнуть из-за недоступного второго ключа. Сегодня то же решение дало кому-то лишнюю свободу. Отменить его прошлым знанием было нельзя. Можно было только построить новое основание — такое, которое не потребует распахнуть каждую дверь.

Она запустила режим контрольных проходов.

На схеме состава загорелась гибкая сцепка между третьим и четвёртым вагонами. Единственное место, где два маршрута могли на несколько секунд стать одним весом.

Глава 8. Пять вагонов

Контрольный маршрут начинался у архива и заканчивался в техническом вагоне. Ирина разделила его на короткие участки, чтобы никто не проходил весь состав один и чтобы проверка не превратилась в измерение людей.

— Система сохранит только диапазон? — спросила Вера.

— Совпадение с событием либо несовпадение, — ответил Роман. — Числа увидим мы вдвое и удалим после свёртки.

— Вы уже знаете диапазон неизвестного.

— От пятидесяти восьми до девяноста двух килограммов, — сказала Ирина. — Он включает почти всех взрослых здесь и ничего не доказывает сам по себе.

Семён посмотрел на Глеба.

— Почти?

— Не начинайте выбирать виновного по телосложению.

Ирина предложила каждому право отказа. Отказ фиксировался без толкования, но тогда маршрут человека оставался бы непроверенным. Первой поднялась Елена. Не из доверия — из желания закончить раньше остальных.

В первом вагоне пол измерял каждую ногу четырьмя тензополосами. Елена прошла от общей зоны к архиву, остановилась у возвратного лотка и вернулась. Контур свернул данные в три ответа: диапазон совместим, рисунок шага несовместим, длительность остановки не проверяется.

— Совместим с чем? — спросила она.

— С массой у двери, — сказал Роман.

— Значит, это могла быть я.

— По одному широкому диапазону — да, — сказала Ирина. — По рисунку нагрузки — нет.

— Я могла идти иначе.

— Могли. Поэтому рисунок шага не станет доказательством личности.

Елена раздражённо вернулась на место. Вторым пошёл Илья. Он нарочно изменил походку: ставил носки наружу и задерживал левую ногу. Тензополосы заметили изменение, но общий перенос веса сохранился.

— Хотел проверить, — сказал он.

— Правильно, — ответила Ирина. — Теперь мы знаем предел метода.

Второй вагон считал не шаги, а возмущение воздуха у гардероба и давление на площадки перехода. Здесь пальто Глеба висело во время первой двойной сверки. Контрольный проход показал, что человек мог снять вещь с крючка, прикрывая её телом от обзорной полосы, но не мог незаметно увеличить массу пальто: крючок регистрировал разницу больше ста граммов.

Роман поднял журнал.

— В момент, когда Глеб забрал пальто, масса уже была больше посадочной на двести сорок граммов.

— Моя посадочная масса не является вашей уликой, — сказал Глеб.

— Масса вещи, — уточнила Ирина. — Не ваша.

— Кто подтвердит, что на посадке это было то же пальто?

— Пока никто. Поэтому факт остаётся открытым.

В третьем вагоне измерителей было меньше. Бытовой модуль уважал частную жизнь: двери ниш отмечали открытие, краны — объём, столы — только опасный перекося. Здесь копия ключа Веры впервые ответила из багажной ниши.

Каждый по очереди открывал ту же створку и доставал пустой учебный контейнер. Система надёжно различала одно: нишу открывали. Кто именно стоял перед ней, она не знала.

— И что дал этот цирк? — спросила Нора.

— Подтвердил, что журнал ниши нельзя использовать как корень присутствия конкретного человека, — сказала Ирина.

— Мы доказываем незнание?

— Отсекаем ложное знание.

Глеб усмехнулся, но промолчал.

Перед гибкой сцепкой Роман остановил группу. Между третьим и четвёртым вагонами пол был разбит на две короткие площадки, соединённые эластичной рамой. Во время поворота нагрузка уходила с одной на другую, а контроллер записывал сумму, чтобы не принимать изгиб состава за падение пассажира.

— По одному, — сказал он. — Обычным шагом. На середине не задерживаться.

Елена прошла первой. На стене возникла плавная дуга. Затем Вера, Семён, Нора, Илья. Дуги различались высотой и длиной, но каждая имела одну вершину.

Глеб ступил на первую площадку и на мгновение коснулся ладонью поручня.

— Без опоры, — сказал Роман.

— В правилах этого не было.

— Поручень забирает часть нагрузки.

— Значит, ваша система не умеет измерять пассажира, который соблюдает безопасность.

Ирина посмотрела на кривую. В ней образовалась неглубокая впадина, похожая не на старую запись, а на её отсутствие.

— Повторять не нужно, — сказала она.

— Бойтесь результата?

— Результат уже есть: контроль с опорой несопоставим. Принуждение к повтору превратит отказ в подозрение.

Последним прошёл Роман. Потом он отправил через сцепку сервисный контейнер на колёсах. Его дуга была ниже человеческой, но тоже одиночной.

Ирина попросила воспроизвести старую запись не числами, а формой.

На ней было две вершины, сросшиеся в одну. Кто-то вошёл на площадку со стороны третьего вагона в тот же момент, когда встречная нагрузка появилась со стороны четвёртого. Контроллер сохранил общую массу, а направления потерял.

— Два человека, — сказал Илья.

— Или человек и груз, — ответил Роман.

— Или один человек с контейнером?

— Тогда вершины начались бы с одной стороны.

Ирина наложила контрольные дуги без подписей. Ни одна одиночная не повторяла старую форму. Контейнер тоже. Зато сумма двух проходов, запущенных навстречу с разницей меньше секунды, давала почти тот же провал между вершинами.

— Проверьте физически, — сказала она.

Роман встал со стороны четвёртого вагона, Илья — со стороны третьего. Они пошли одновременно и разминулись на середине, повернув плечи. Контроллер показал одну широкую дугу.

— Теперь поменяйте Илью на контейнер.

Второй опыт дал две отдельные ступени. Колёса переходили раму иначе, чем ноги.

Старая запись совпадала с двумя людьми.

— Когда это было? — спросила Вера.

Роман привязал запись к общей шкале. За три минуты до ручного отбора технической воды. Один маршрут шёл из третьего вагона в четвёртый. Другой — навстречу.

— Копия моего ключа тогда была в третьем?

— Последний подтверждённый ответ — да, — сказала Ирина. — Но передатчик мог нести кто угодно.

— А встречный человек пришёл из обзорного вагона.

— Мы знаем только направления до сцепки. После встречи контроллер потерял разделение.

Ирина перенесла событие в черновик акта. Физический корень подтверждал встречу двух людей. Но он не сообщал, кто передал копию и кто куда пошёл после.

— В четвёртом вагоне есть обзор, — сказал Семён. — Камеры?

— Полоса силуэтов у панорамного окна, — ответил Роман. — Без лиц. Она нужна, чтобы затемнять стекло при близком человеке.

— Значит, увидим, сколько людей вышло.

В четвёртом вагоне их встретили собственные отражения. За стеклом тянулась чёрная стена тоннеля. Полоса силуэтов была разбита на шесть зон и хранила только занятость: один, несколько, пусто.

В нужную минуту зона у сцепки отметила «несколько», затем почти одновременно загорелись две дальние зоны. Один силуэт ушёл к первому вагону через третий. Второй остался у окна на сорок секунд, а потом тоже направился в сторону третьего.

— Оба вернулись одной дорогой, — сказала Нора.

— С разницей сорок секунд, — уточнила Ирина.

— Кто был первым?

— Полоса не различает.

Илья подошёл к окну. Стекло затемнилось вокруг него, оставив лицо видимым в отражении.

— Я снимал здесь тоннель перед потерей связи.

Все посмотрели на него.

— Вы говорили, что находились у перехода, — сказала Ирина.

— Находился.

— У вас сохранилась запись?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я удалил её.

Глеб тихо выдохнул, будто услышал наконец простую человеческую ложь среди машинных поправок.

— Вот и свидетель, который отсекает ложное знание.

Илья повернулся к нему.

— Я ничего не видел.

— Тогда зачем удалять?

— Это не ваше дело.

— Пока на записи мог быть человек с чужим ключом, это наше дело, — сказала Ирина.

— Но не вся запись. Только кадры сцепки в нужный интервал.

Илья покачал головой.

— Их нет.

— Удаление оставило квитанцию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.